

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)**

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра журналистики

Гуманистические идеи в публицистике Джорджа Оруэлла

Выпускная квалификационная работа

**студентки очной формы обучения
направления подготовки 42.03.02 Журналистика
4 курса группы 86001213
Талалаевой Олеси Юрьевны**

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
М.В. Коротицкая

Рецензент
старший преподаватель
кафедры журналистики,
И.И. Карпенко

БЕЛГОРОД 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ ПУБЛИЦИСТ.....	8
1.1. Жизнь и творчество Джорджа Оруэлла: эволюция взглядов.....	8
1.2. Журналистская деятельность Дж. Оруэлла в компании ВВС.....	18
Выводы к первой главе.....	31
ГЛАВА II РАЗНООБРАЗИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ ДЖ. ОРУЭЛЛА.....	33
2.1. Свобода и независимость как одна из ключевых идей в публицистике Дж. Оруэлла.....	33
2.2. Роль творческой личности в концепции Дж. Оруэлла.....	47
Выводы по второй главе.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	60

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Творчество Дж. Оруэлла – «самого политического из всех писателей» [Урнов; 1999] – долгое время было под запретом в нашей стране в силу идеологических причин. И если в последнее время его знаменитые романы-антиутопии «Скотный двор» и «1984» начали подвергаться активному изучению, то публицистика по-прежнему остаётся «белым пятном» в оруэлловедении. «Неизвестный Оруэлл, – утверждает В. Чаликова, – это проблема для всего мира» [Чаликова; 1992].

Действительно, в нашей стране Оруэлл более известен по двум художественным произведениям – сказке-притче «Скотный двор» и роману «1984». Значительную часть его наследия составляет публицистика, поднимающая ряд острейших проблем, связанных с общественно-политической жизнью середины XX века. Основным ядром, вокруг которого концентрируется мысль Оруэлла, – это проблемы обесценивания человека как личности, ущемление его прав на свободу мысли и самовыражения, а так же проблема тоталитарной власти и фашизма. Оруэллом было сделано множество пророчеств и предупреждений в этом отношении, и сегодня, когда эти проблемы снова возникли в мировом сообществе, обращение к эссеистике Дж. Оруэлла становится весьма своевременным.

Обращает на себя внимание противоречивость его взглядов. С одной стороны – это яростный ненавистник любого притеснения человеческих прав и свобод, с другой – человек, вызывающий подозрение у английских спецслужб как сторонник коммунизма, тесно связанный с компартией. Отдельный факт его биографии – письмо с подозрениями в коммунизме своих коллег. Все эти обстоятельства трудно сочетаются между собой. Подобная противоречивость прослеживается и в большинстве его произведений, многие из которых ещё не изучены до конца.

Публицистика Дж. Оруэлла открывает его как автора глубокого и тонкого, большого гуманиста и противника любого насилия над человеком. Творчество Оруэлла – это оригинальные произведения, сочетающие в себе не только несомненные идейно-нравственные ценности, но и высокохудожественные достоинства.

Сейчас, когда идеологические препоны больше не мешают этому процессу, настало время переоценки всего написанного Дж. Оруэллом, во многом открытия его заново. Характерно в этом отношении высказывание А.М. Зверева: «Даже и сегодня, когда об Дж. Оруэлле написано куда больше, чем написал он сам, многое в нём кажется загадочным» [Зверев; 1989]. Настоящая работа представляет собой попытку рассмотрения публицистики Джорджа Оруэлла.

Не до конца изучены и личность, и творчество Дж. Оруэлла, его предсказания¹, политические метания (причём перебежал Оруэлл всегда не к победителям, а побеждённым), противоречивые действия, глубокое политическое одиночество. Да и само его имя уже приобрело ореол мифического. Самый крупный в нашей стране специалист по творчеству Оруэлла В.А. Чаликова писала: «Честно говоря, я бы не хотела, чтобы мы осмыслили Дж. Оруэлла до дна. Это может произойти только тогда, когда общество убедится: та альтернатива, какую сегодня предлагает идейный авангард этого общества, альтернатива тоталитаризму, она тоже не гуманистична, не даст простому человеку того, что он хочет...» [Чаликова; 1992].

Актуальность нашей работы состоит в том, что публицистика Дж. Оруэлла, может дать нам ответы на многие острые вопросы, особенно сейчас, когда угроза фашизма вновь нависла над миром. В творчестве Дж. Оруэлла отражена целая эпоха, которая глубоко и правдиво передана им в его эссе и статьях, и предавать забвению её недопустимо. Таким образом, актуальность

¹По свидетельству В.М. Недошивина из ста тридцати семи предсказаний, сделанных Оруэллом в его книгах, сбылось сто [Недошивин; 2013].

исследования обусловлена не только художественной и исторической ценностью публицистики Дж. Оруэлла, но и общественной значимостью.

Объект исследования: публицистика Дж. Оруэлла.

Предмет исследования: идеи гуманизма в публицистике Дж. Оруэлла.

Цель исследования: выявить способы раскрытия системы человеческих ценностей в публицистике Дж. Оруэлла.

Цель дипломного исследования, а также характер предмета и объекта определяют исследовательские **задачи**, решаемые в ходе данной научной работы:

- 1) проследить биографический и творческий путь Дж. Оруэлла, выявить основные этапы творческой эволюции;
- 2) охарактеризовать работу Дж. Оруэлла в компании BBC;
- 3) проанализировать эволюцию взглядов на свободу и независимость в его публицистике;
- 4) описать трактовку проблемы власти и личности в публицистике автора;
- 5) выявить отношение Дж. Оруэлла к проблеме творческой личности и вопросам искусства и литературы;
- 6) выявить отношение публициста к проблеме свободы слова.

Методы исследования, использованные в работе, определяются целью, задачами, объектом и предметом исследования и включают в себя:

- 1) описательный;
- 2) семантико-стилистический методы.

Эмпирической базой научной работы послужила публицистика Джорджа Оруэлла (28 эссе).

Хронологические рамки исследования обусловлены годами творческой деятельности Дж. Оруэлла (1933 – 1949).

Теоретической базой данного исследования послужили книги, пособия и статьи следующих авторов:

- Об эволюции взглядов Дж. Оруэлла – В.Г. Мосина, В.Г. Науменко, В.А. Чаликова, В.М. Недошивин
- О биографии Дж. Оруэлла – Н.А. Зинкевич, И.В. Кабанова, - В.А. Чаликова, Ю. Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский
- О творчестве – А.А. Аничкина, А.М. Зверев, А. Безансон, В.А. Чаликова, В. Фатула
- О теории публицистики – Л.Г. Бабенко, Г.Ю. Гениева, Э.Я. Фесенко
- Об историческом контексте – О.А. Судленкова, А.Д. Савенкова, Ю. Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский

При определении терминов, использованных в работе, были рассмотрены трактовки из толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова.

Теоретическая и практическая значимость дипломной работы обусловлена следующими обстоятельствами: применением её при подготовке лекционных курсов в учебных заведениях соответствующего профиля. Кроме того, материалы изучения могут войти в базу специальных разделов при написании фундаментальных работ, учебных пособий при последующей разработке концепции художественного слова, а кроме того могут быть применены в языковедческих и литературоведческих курсах.

Структура работы определена поставленными целями и задачами и включает в себя введение, две главы, заключение, список использованных источников.

Во **введение** излагается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет, цели, задачи исследования и методы исследования, представляется эмпирическая и теоретическая база научной работы, определяется степень научной разработанности темы, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Джордж Оруэлл как выдающийся публицист» посвящена выявлению гуманистических тенденций публицистике Дж. Оруэлла. Рассматривается жизненный и творческий пути автора, достаточно внимания уделяется вопросу выявления взаимосвязи между фактами биографии и созданием того или иного произведения. Выявляется значимость деятельности Дж. Оруэлла в телерадиокомпании BBC в военное время.

Во второй главе анализируется публицистическое произведение «Памяти Каталонии». Одновременно происходит сопоставление проводимой в нём идеи социализма с другими эссе, в которых прослеживается та же мысль.

Выявляется воплощение в публицистике Оруэлла других гуманистических идей: проблемы соотношения власти и личности, проявление и назначение творческой личности, а также остро стоящий для Оруэлла вопрос свободы слова.

В Заключение сформулированы основные выводы работы и намечены перспективы для дальнейших исследований.

ГЛАВА I ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ ПУБЛИЦИСТ

1.1. Жизнь и творчество Джорджа Оруэлла: эволюция взглядов

Настоящее имя Джорджа Оруэлла – Эрик Артур Блэр. Будущий писатель и публицист родился 25 июня 1903 года Индии, в небольшой деревушке, находившейся на границе с Непалом. Нет ничего удивительного в этом географическом факте, поскольку Индия в то время была колонией Великобритании.

В детстве Дж. Оруэлла можно выделить одно значимое событие, указывающее на его будущее блестящего литератора: находясь на обучении в частной школе в графстве Суссекс, Эрик Артур показывает столь впечатляющие результаты, что «на конкурсной основе получает стипендию для дальнейшего обучения в Итоне» [Зинкевич 2001]. А Итон, как известно, – не только одна из самых престижных школ Великобритании, но и прямая дорога в Кембридж или Оксфорд.

Вместе с успехами в учёбе Эрик Артур Блэр приобретает и ясное видение своей будущей профессии. Как это следует из эссе Дж. Оруэлла «Почему я пишу», твёрдое решение стать писателем пришло к нему уже в пятилетнем возрасте [Оруэлл 1946]. Разумеется, этому способствует круг чтения: Свифт, Лондон, Стерн. Остаётся только догадываться, что послужило причиной последующего крутого поворота в жизни Эрика Блэра (авантюрный дух любимых книг или сложная внутренняя работа над собой), но только юноша вместо Оксфорда отправляется служить в имперскую полицию [Зинкевич 2001].

Его служба проходит сначала в Индии, потом в Бирме. Там уже проявляется особенности мышления Дж. Оруэлла. В своём эссе «Как я стрелял в слона» автор показывает результаты осмысления того зла, которое содержит в себе империализм и выражает желание с ним бороться.

Как считает И.В. Кабанова, пять лет, проведённые в колониальной полиции в Бирме и Индии, обострили предрасположенность Блэра к «чувству классовой вины» и потому, он решил «отречься от своего буржуазного ”Я”» [Кабанова 2012]. По возвращению в Европу он решает встать на защиту угнетённых.

Очередным резким поворотом в судьбе, связанным с идеологическими разочарованиями знаменуется 1927 год. Полицейская система, служащим которой он является, перестаёт устраивать его. По словам Н. Зинкевича, «Э. Блэр уходит в отставку и обосновывается на Портобелло Роуд (Portobello Road), в квартале лондонской бедноты, затем уезжает в Париж — средоточие европейской богемы» [Зинкевич 2001]. Жизнь, которую он там ведёт, далека от богемной. Блэр проводит время в рабочих кварталах, выполняет порой самую грязную работу. Этот опыт стал бесценным — для родившегося на свет писателя и публициста Джорджа Оруэлла. Именно в то время у него зарождаются туманные, зачаточные социалистические настроения. Таковыми они сохраняются на протяжении двух десятилетий его жизни, постепенно видоизменяясь в столкновении противоречий и мыслей, во всевозможных конфликтах с историческими реалиями. Но его мировоззренческая эволюция никогда не прекращалась. И называя себя «демократическим социалистом», Блэр, ставший Оруэллом, «будет издавать произведения, как будто противоречащие социалистическим установкам» [Фельштинский, Чернявский 2014.]

Первая книга очерков Дж. Оруэлла «Дни в Бирме» (*Burmese Days*, 1934) выходит в 1934 году. Как это видно из названия, книга отображает впечатления автора от пребывания в Бирме. В 1935 году читатель получает возможность познакомиться с романом творчеством Дж. Оруэлла — «Дочь священника» (*A Clergyman's Daughter*, 1935).

В то же время продолжается активная работа над рядом публицистических произведений. Искусство, литература, политика – вот сфера интересов Оруэлла-публициста

Эстетический идеал Дж. Оруэлла был связан с его симпатией к простым людям, будь то беззаботные шахтёры из Уигана или рабочие любой национальности. Вера Оруэлла была связана с убеждением, что когда-нибудь именно простой человек одержит победу [Мосина 1997]. Дж. Оруэлла волнует судьба любого человека в мире, именно этот факт показывает его истинным гуманистом.

По мнению Фельштинского и Чернявского, публициста действительно волновала социальная несправедливость и неравенство, тревожили те жёсткие условия, в которых вынуждены были трудиться английские шахтеры. Одновременно с этим Дж. Оруэлл не доверял идеям английского социализма и солидарности в пролетарской среде, распространившейся в то время в Англии. Причиной тому была классовая принадлежность социалистических взглядов, распространение которых наблюдалось в прослойке интеллигентов и среднего класса. Их трудно было отнести к числу бедствующих и обездоленных, потому Оруэлл выражал вполне очевидное сомнение в искренности этих взглядов [Фельштинский, Чернявский 2014].

В результате активных мировоззренческих поисков Дж. Оруэлл приходит в ряды испанских республиканцев. Вполне закономерным является тот факт, что в 1936 году писатель оказывается в Испании в числе военных корреспондентов, представляя одновременно английскую газету «Обозреватель» (Observer) и радио ВВС. В Испании, Дж. Оруэлл нашёл ту искренность, настоящую атмосферу равенства и братства, которых ему не хватало в Англии. В Испании идеалы социализма приобретают для Дж. Оруэлла вполне ясные очертания. Разумеется, он может оставаться в стороне от военных действий но, пройдя необходимую подготовку, отправляется на фронт, где получает ранение в горло и попадает в госпиталь. После всего

пережитого на свет рождается книга «Памяти Каталонии» (Homage to Catalonia, 1938) [Судленкова1997].

Параллельно с обретением «испанского идеала», под которым Зинкевич понимал идеальный образ социализма как формы устройства государства, в мировоззрении Дж. Оруэлла идёт переосмысление процессов, происходящих в СССР. Этому способствуют публикации в испанской газете La Batalla, в которых было высказано резкое осуждение политических репрессий 1936 года в нашей стране. Хотя, разумеется, об этом Дж. Оруэлл был осведомлён ещё до поездки в Испанию. Ещё ранее он называл сталинские репрессии «политическими убийствами» но, как утверждает Н. Зинкевич, «в отличие от большинства английских левых, считал, что происходящее в России не является “наступлением капитализма”, а есть “отвратительное извращение Социализма”» [Зинкевич 2001].

Оруэлл был прав, поскольку время показало, что благие намерения, в которые поверил народ, обернулись совсем другой стороной. Обособилась каста «неприкасаемых», которые жили, как хотели, зажимали простой народ, лишив их практически любого проявления свободы, а своих недавних союзников легко превращали в противников, подвергая их жестоким репрессиям. И всё это происходило под «маркой» социализма. И, что впоследствии прозвучит уже в повести-притче «Скотный двор» (Animal Farm, 1945) [Зверев 2012].

Опыт, приобретённый в Испании, стал для Дж. Оруэлла своеобразным толчком для переосмысления ценностей современного общества. Он начинает видеть, что все системы в мире, собственно, похожи между собой, будь то нацизм в Германии или сталинизм в СССР. Дж. Оруэлл решил анализировать происходящее с максимальной степенью объективности.

В 1938 году он знакомится с книгой американского журналиста Юджина Лайонса, который прожил в СССР несколько лет. Он сумел собрать факты о том, что происходит внутри страны, и написал об этом книгу. Книга Лайонса демонстрирует эволюцию взглядов: от сочувственных до

практически обличающих. Книга получила название «Погружение в Утопию» и произвела на Дж. Оруэлла сильное впечатление, и он написал на неё рецензию: «Печальным фактом является то, что любая неблагоприятная критика современного российского режима неизбежно воспринимается как пропаганда против социализма; это осознают все социалисты» [Оруэлл 2008]. Таким образом, Дж. Оруэлл пришёл к заключению, что советская система аналогична фашистской, найдя при этом такие точки соприкосновения как восхваление героев, тотальный контроль, внушение ненависти к врагам, показательные судебные процессы [Оруэлл 2008].

Дж. Оруэлл исследует проблему тоталитаризма в своей эссеистике. Кроме того, он занимается рецензированием чужих книг на близкие темы, и в этих статьях анализирует политическую обстановку в мире. Такова его рецензия на книги Ф. Боркенау о коммунизме и Б. Рассела «Власть» (философские размышления об обществе), Оруэлл приходит к выводу, что «строго централизованные государства имеют значительно больше общего в своём стремлении к самоутверждению путём подавления оппонентов, нежели можно предположить на основании их идеологических различий, которые действительно существуют, но служат в основном средством привлечения и подчинения широких слоёв населения» [Фельштинский, Чернявский 2014].

Впоследствии Дж. Оруэлл создаёт впечатляющий труд о Диккенсе. Интересно, что в финал очерка он ставит психологический портрет Диккенса: «Передо мной лицо человека, который вечно с чем-то сражается, сражается открыто, и его не запугать, лицо человека, который щедро гневен, – иными словами, лицо либерала девятнадцатого столетия, свободного интеллектуала – тип, равной степенью ненавидимый всеми вонючими ортодоксами, что ныне соревнуются за обладание нашими душами» [Оруэлл 1989].

Так Дж.Оруэлл выражает тоску по творческой свободе. Он составляет на примере Диккенса портрет умного, свободного и смелого публициста, журналиста и писателя, который видит все недостатки общества и не боится

о них писать. Напротив, это его боятся те, кто пытается задушить и забрать свободу у человека, стремящего мыслить и действовать самостоятельно. В какой-то мере, он видит в Диккенсе самого себя, потому что это эссе имеет важное значение в его публицистике.

По мнению Ю. Фельштинского и Г. Чернявского, очерк Дж. Оруэлла о Диккенсе стал свидетельством неразрывности Оруэлла – литературоведа, критика, политического писателя, социального аналитика. Это произведение, возможно, стало вершиной публицистического творчества Оруэлла и по своей глубине и творческой силе стояло на уровне его лучших художественных созданий, хотя выражало «иную сторону его духовного багажа» [Фельштинский, Чернявский 2014].

Проблему соотношения общества и творческой личности Дж. Оруэлл исследовал и позже. Этот период позволил Дж. Оруэллу немного остановиться, чтобы поразмыслить над ситуацией в мире, сделать важные записи, сопоставить время, в котором жил Диккенс и сегодняшнее, современное. Но, размышляя о прошлом, Дж. Оруэлл прогнозирует развитие событий в будущем. Так получилось, что данный период совпал с крупным политическим кризисом – одним из тех, который обычно предшествует войне.

Дж. Оруэлл видит, что большая часть населения не подозревает об опасности, нависшей над ними. Он наблюдает и за событиями в Германии, а также в Испании, где мятежники были близки к победе.

В ноябре 1938 года начался суд над руководителями рабочей партии марксистского единства, известная по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificación Marxista – POUM). Оруэлл выступил в прессе с протестом: «Обвинения против ПОУМ в Испании является побочным продуктом российских судебных процессов против троцкистов, и это от начала до конца представляет собой набор лжи, включая отвратительные, абсурдные сведения, сочинённые коммунистической прессой» [Оруэлл

2008]. Примечательно, что протест писателя не остался без ответа, и в Лондоне был образован комитет защиты испанской организации.

К началу Второй мировой войны Дж. Оруэлл пришёл к пацифизму. Так, в 1939 году Дж. Оруэлл писал: «Мы находимся либо в стадии подступающей войны, которая начнётся в ближайшие два года, либо, возможно, фиктивных военных приготовлений, предназначенных для того, чтобы скрыть от нас нечто другое, но во всех этих случаях в явном процессе фашизации, ведущем к авторитарному режиму типа австрофашизма. Поскольку целью, действительной или мнимой, является война против Германии, основная часть левых отождествляет себя с процессом фашизации, который, в конце концов, означает сокращение заработной платы, подавление свободы слова, жестокость в колониях и т.д.» [Оруэлл 2008]. Об этом свидетельствует и его роман «Глотнуть воздуха» (*Coming Up for Air*, 1939), публицистические и личные записи писателя.

Итак, очевидно, что в этот период для Дж. Оруэлла почти не существовало разницы между политикой тоталитарных и демократических государств. Он видел, что и те, и другие стоят на границе с фашизмом, и это обстоятельство очень беспокоило его.

Основная мысль публицистики данного периода – вопрос о характере войны, к которой готовилось правительство Чемберлена – против фашизма или за сохранение капиталистического строя? Он возмущался тем, что британцы (их консерваторская часть) относятся почти покровительственно к нацистам. Сам Дж. Оруэлл полагал, что характер предстоящей войны – не освободительный, а империалистический [Мосина; 1997].

Исследование В.Г. Науменко посвящено следующему значимому периоду в творчестве Дж. Оруэлла. По словам ученого, когда война всё же началась, публицист оказался в весьма затруднительном положении. Он видел, что в сложившихся условиях его пацифистские воззрения терпят поражение. Великобритания, не проводит активных военных действий, в то время как фашизм в полной мере реализовывает свои антигуманные и

преступные деяния. В Дж. Оруэлле ещё не умер недавний борец против фашизма, позвавший его в Испанию, но он не мог так сразу отказаться от пацифизма, казавшимся ему спасением в данной ситуации [Науменко; 2008]. Позиция Дж. Оруэлла снова оказывается неоднозначной.

Некоторое время он находился в смятении, не зная, что предпринять. Он продолжал печатать рецензии и обзоры, но не давал в них явной оценки происходящему, что было нетипично для него.

Вскоре на войне погибает брат Дж. Оруэлла. Это явилось для него настоящей трагедией, и некоторое время он пребывал в депрессии. В августе 1940 года Оруэлл публикует эссе, которое посвятил Чарльзу Риду – английскому писателю, в некотором роде наследовавшему традиции Диккенса. В этом очерке Оруэлл, видимо, сказать, что публицисту, журналисту, писателю ни при каких обстоятельствах нельзя отходить от действительности, от реальных проблем.

Следующей идеей, основывающей его мировоззрение, явилась мысль о патриотизме. Вскоре появился ещё один очерк под названием «Моя страна, справа или слева». Дж. Оруэлл соотнёс название этого эссе с широко распространённым лозунгом патриотов «Это моя страна, права она или неправa» [Мосина 2000]. Это высказывание казалось ему довольно уместным, и Дж. Оруэлл решил, что настало время подчеркнуть единство британцев в тяжёлую военную пору. Он признавал, что «в глубине сердца оставался патриотом, никогда не занимался актами саботажа или другими действиями, направленными против собственной стороны» [Оруэлл 2008]. Он избегал произносить само слово «родина», поскольку считал его высокопарным. Но при этом Дж. Оруэлл писал, что теперь он войну поддерживает и будет сражаться, ведь Англия находится «на том странном этапе истории, когда революционер должен стать патриотом, а патриот революционером» [Оруэлл 2008].

Итак, Оруэлла-пацифиста больше не существует. Теперь он готов поддержать страну в минуту опасности. Им овладевают странные и

противоречивые чувства, которые задают тон его обычно спокойной с оттенками иронии и сарказма эссеистике и добавляют некоторую горячность в рассуждения.

Продолжая развивать идею патриотизма, автор исследует и вопросы национального менталитета, которому «свойственны патриотические чувства, имеющие некую абстрактную оставляющую, но конкретно определяемые цели, направленные на сохранение своей страны, её обычаев, языка и культуры. Более того, британцы разного социального положения, в том числе люди не очень бедные, распространяют свой патриотизм и на социалистическое общество, если таковое возникнет в стране, выкручивался Оруэлл, пытаясь связать свой патриотизм с социализмом» [Фельштинский, Чернявский 2014].

Одним из важнейших факторов, которые способствовали его отказу от пацифизма и переходу к патриотизму, оказалось подписание советско-германского договора о ненападении (23 августа 1939).

Особенно ярко проявился патриотизм Дж. Оруэлла в эссе «Лев и Единорог» (The Lion and the Unicorn, 1941), в котором он буквально признаётся в любви к Англии, указывает на её преимущество перед другими странами.

Очевидно, что в этом крупном эссе, Дж. Оруэлл даёт довольно парадоксальную оценку британскому обществу. Он находит в нём странную смесь национализма и патриотизма. Страна ассоциируется у него с семьёй, которая в минуту опасности выказывает редкий пример сплочённости. Здесь же Дж. Оруэлл надеялся на то, что в итоге к власти в Британии придут люди, мышление которых будет освобождено от консерватизма, корысти, жажды обогащения. Напротив, их мысль направлена в социалистическом направлении.

По мнению В.Г. Мосиной, в Барселоне Дж. Оруэллу открылось бесклассовое социалистическое общество, «сокрушённое Коммунистами с помощью Большой лжи. Он постиг природу тоталитарного коммунизма»

[Мосина; 1997]. В.А. Чаликова очень точно обозначила переменную в мышлении Оруэлла, заметив, что для него существовало два типа социализма: первый – барселонский, где слово «товарищ» не было пустым звуком, а выражало именно всю суть этого понятия, и второй тип, установленный Сталиным» [Чаликова; 1989].

Разумеется, в этой книге Дж. Оруэлл выказывает пока утопические взгляды. Ратуя за общественную собственность, он ещё не может осознать, что она всё равно перейдёт во владение государством, будет монополизирована. Впрочем, модель социализма Дж. Оруэлла выглядела весьма заманчиво: сохранение частной собственности, отсутствие диктатуры какого-либо класса, национализация промышленности, реформирование системы образования, предоставление свободы Индии.

Ю. Фельштинский и Г. Чернявский пишут: «В мировоззрении Оруэлла социализм оставался неким моральным символом, данью чему-то прекрасному, хоть и вряд ли реализуемому» [Фельштинский, Чернявский 2014]. Но как бы там ни было, «Лев и Единорог» (The Lion and the Unicorn, 1941) имел большой успех у публики. Это было то время, когда Дж. Оруэлл не чувствовал своего политического одиночества.

Позиция Дж. Оруэлла, который стремился воевать, но не попал на фронт из-за слабого здоровья, к началу 40-х гг. сделалась довольно определённой: внести свой собственный вклад во всенародную борьбу, направленную против борьбы с фашизмом. Именно это он и попытался сделать, став сотрудником компании BBC (см. §1.2.).

Оруэлл никогда не бывал в СССР, однако непосредственно столкнулся со сталинизмом в действии, когда добровольцем отправился на гражданскую войну в Испании, где едва не стал жертвой карательных отрядов республиканцев, действующих, как указывает А. Зверев, «по прямому указанию НКВД» [Зверев 2000]. Далее Зверев пишет: «С юности и конца жизни оставаясь приверженцем “демократического социализма”, как писатель определял свою позицию, он видел в “советском эксперименте”

грубейшую компрометацию самой идеи социализма» [Зверев 2000]. И в дальнейшем это позиция в его творчестве проявилась в виде жесточайшей и саркастической критике социализма и тоталитарного государства вообще, по этой причине, собственно, Дж. Оруэлл и оставался долгое время под запретом.

Интересен тот факт, что притча, законченная Дж. Оруэллом в 1943 году, не могла найти издателя до тех пор, пока Англия и СССР были союзниками в войне. Зверев пишет: «При своём появлении в свет она навлекла на автора тенденциозные упрёки в ренегатстве и ксенофобии» [Зверев 2000].

Дж. Оруэлл беспощадно разоблачает суть тоталитарного государства, ведь этих «низших» животных всё также держат «в ежовых рукавицах», но только в более «колючих». По мнению А. Зверева, «кнутом, перейдя в руки других надсмотрщиков, остаётся всё таким же кнутом, только используемым намного чаще и ранящим сильнее» [Зверев 2000].

До самой смерти писатель продолжал работать, торопясь предупредить человечество о надвигающихся на него угрозах. Так в очередной раз проявилась его гуманистическая сущность – человека, писателя и журналиста. Его публицистика – смелая, порой дерзкая, всё ещё ждёт глубоких и разнообразных исследований. Одной из заслуг Дж. Оруэлла является тот факт, что он приблизил публицистику к широкому кругу читателей. Джордж Оруэлл умер в 1950 году.

1.2. Журналистская деятельность Дж. Оруэлла в компании BBC

В конце 30-х г. Оруэлл утверждает в пацифистских взглядах, и начавшаяся война поставила его в затруднительное положение, ведь Англия стала воюющей стороной, и первое время он находился в растерянности. Но вскоре его мировоззрение вновь начинает меняться, и он приходит к

противоположному мнению, готовности к поддержать военные действия и даже вступает в отряд самообороны. Но и служба во Внутренней гвардии разочаровывает его, поскольку не могла удовлетворить его политических запросов. И тогда он приходит к наиболее приемлемому для него сражению – сражению словом.

Во время Второй мировой войны Дж. Оруэлл работал корреспондентом на BBC. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в его жизни и творчестве и является главным звеном в его гуманистических взглядах. Работа на BBC – это проявление его активной гражданской позиции гуманиста.

Общеизвестным является факт, что BBC явилось прототипом «Министерства Правды» из романа «1984». Помимо этого, деятельность на радио компании способствовало написанию важных в творчестве публициста эссе.

И всё же это было нелёгким решением для Дж. Оруэлла. Впервые после опыта государственной службе в Бирме журналист согласился вновь работать на правительство. Дискомфорт вызывала и мысль о том, что это учреждение, хотя и носило статус автономного, но всё же являлось пропагандистской и идеологической организацией, выполнявшей заказы британских властей [Зинкевич 2001].

Британская радиовещательная компания (BBC) была основана в 1922 и имела репутацию общественного радио, основной идеей которого являлось свободное изложение мыслей, хотя на самом деле контролировалась советом, состоящим из двенадцати попечителей, назначаемых королём. Дж. Оруэлл был приглашён на BBC в 1941 году, при этом руководство не учло два немаловажных момента, связанных с личностью Блэра. Во-первых, его ранение в горло не могло не повлиять на голос (а этот фактор очень важен для радиоведущего); во-вторых, Дж. Оруэлл почти не имел опыта подобной деятельности. Лишь два раза в своей жизни он бывал в радиоэфире. В первый раз он участвовал в диспуте о пролетарской литературе, во второй раз –

обсуждал с другими участниками проблемы современного короткого рассказа.

По словам ученых, Дж. Оруэлл был очень убедителен, и потому получил приглашение от ВВС, которое он принял и вскоре сделался полноправным сотрудником компании. С Оруэллом был подписан временный контракт. Пройдя ознакомительный учебный курс, писатель становится редактором и ведущим передач, которые транслировались в страны Юго-Восточной Азии и Индии. Заработная плата, выплачиваемая новому сотруднику, была довольно высокой: 640 фунтов стерлингов в год [Фельштинский, Чернявский 2014].

Основной задачей, поставленной перед Дж. Оруэллом в компании ВВС, было укрепление взаимопонимания между Индией и метрополией. Оруэллу-журналисту необходимо было при помощи своих выступлений подчёркивать естественные связи между ними, всячески противодействовать пропаганде противника. Индийский народ должен быть осознать, что их военные усилия высоко оцениваются Великобританией.

Мы можем предположить, что Дж. Оруэлл обратил внимание на политику. В передачах ВВС основную часть занимали не проблемы индийского общества, а пропаганда британской культуры и образа жизни. И даже если в эфир приглашались политические деятели Индии, то совсем не те, которые поддерживали стремление страны к независимости. Как замечает Фостер, в этой ситуации Оруэлл стремился сделать упор на искусство и культуру. Так, им были приглашены выдающиеся деятели культуры Великобритании: Т.С. Эллиот, Д. Томас, С. Спендер, Э. Фостер. Последний, к слову сказать, писал книги об Индии, которые пользовались большим успехом [Foster 1998, пер. Ю. Чернявский].

Другим аспектом его деятельности была работа по культурно-гуманистическому развитию аудитории. автор инсценировок по известным литературным произведениям и сказкам, вплоть до «Красной Шапочки». Эти сценарии сохранились в его архиве.

Вначале передачи велись из небольшой радиостудии, расположенной на Портденд-Плейс. Однако вскоре место работы было перемещено в крупное здание бывшего универмага. Здесь у Оруэлл появился собственный кабинет, рядом с которым находились звукозаписывающие студии. Чуть ниже располагалась столовая, что было весьма важным обстоятельством в условиях военного времени. Блюда, подаваемые здесь, подвергались его едкой критике, и однажды он сказал коллеге, с которым читал написанное на табличке меню: «Через год вы увидите на этой доске “Крысиный суп”, а в 1943 году это будет “Суп из искусственной крысы”» [Оруэлл 2000].

Историки отмечают, что по занимаемой Дж. Оруэллом должности ему полагался секретарь. Это означало, что по социальной лестнице писатель сделал значительный подъём вверх. Да и внешне он приблизился к образу чиновника, большую часть времени проводящего в кабинете. Он составлял и доводил до совершенства сценарии, рассматривал и утверждал программы, диктовал секретарю письма и ответы на различные предложения, работал с приглашениями для участников намечаемых программ. Новостные обзоры и политические комментарии Оруэлла по поводу различных общественных, научных, культурных и общественных событий передавались на страны Востока. Большое внимание уделялось художественным программам.

По мнению большинства читателей текстов Дж. Оруэлла (то есть, его сотрудников), главной задачей всей его журналистской работы была пропаганда традиционных английских ценностей. «Иначе говоря, – пишут Ю. Фельштинский и Г. Чернявский, – вещание на отдалённые территории должно было способствовать сплочению колоний и доминионов вокруг метрополии в её военных условиях» [Фельштинский, Чернявский 2014].

Это могло означать, что ярый ненавистник тоталитарной системы отказался от собственных взглядов, основанных на социалистических и антиколониальных убеждениях. Именно их он пропагандировал на протяжении предшествующих лет. Это был компромисс со стороны Дж. Оруэлла, который понимал, что самая важная цель на данном этапе – разгром

фашистов, который являлся врагом абсолютно всех, кто стоит на страже общечеловеческих ценностей, будь то Восток или Запад. И ради этой основной идеи Дж. Оруэлл просто закрыл глаза на некоторые моменты. К тому же, он весьма скептически относился к мысли о том, что мировоззрение индийцев, их стремление к свободе можно переделать с помощью радиопередач. И чем дольше пребывал Дж. Оруэлл на BBC в качестве корреспондента, тем больше этот скепсис усиливался. Так, журналист М. Маггеридж, который служил во время войны в британской разведке и принимал участие в цензуре, отслеживающей передачи компании, вспоминал потом, что Оруэлл своими передачами «в полном смысле слова приобщал народы Востока к жемчужинам западной культуры и делал это ради обеспечения победы союзников, а когда писателя упрекали в том, что его стрелы могут пролететь мимо цели, он заговорил об абсурдности сложившейся ситуации и захохотал своим характерным глубоким смехом по поводу всего этого предприятия» [Maggeridge; 1978, пер Ю. Фельштинский].

Прошёл всего лишь год, и мнение Оруэлла поменялось. Он стал говорить о том, что его труды напрасны, не достигают своей цели и все эти передачи отвлекают его от более важных дел. Но ещё больше его мучило и тревожила его другая, более глобальная ситуация – его политическое одиночество, ведь став сотрудником BBC, он сделался чужим и для правых, и для левых. И те, и другие выказывали своё недовольство «патриотической службой» Оруэлла и считали его ренегатом [Фельштинский, Чернявский 2014].

Весьма характерной в этом отношении была цитата Джорджа Вудкока (который, впрочем, позже помирился с Дж. Оруэллом и даже занимался пропагандой его книг), который на примере Блэра-корреспондента BBC показывал пример серьёзных жизненных изменений: «Товарищ Оруэлл – бывший полицейский офицер британского империализма (у которого фашисты научились всему, что они знают), в тех регионах, где солнце, наконец, всегда закатилось на разорванном Юнион Джеке! Товарищ Оруэлл

– бывший крайне левый, член НРП и защитник анархистов (смотри “Памяти Каталонии”)! И теперь товарищ Дж. Оруэлл возвращается к своим прошлым империалистическим привязанностям и работает на Би-Би-си, занимаясь британской пропагандой, чтобы ввести в заблуждение индийские массы» [Мосина 2000]. Это высказывание в полной мере демонстрирует то несправедливое отношение и полное непонимание современниками Дж. Оруэлла и как писателя, и как политического деятеля, и как человека. Подобные примеры объясняют причину глубокого политического одиночества Оруэлла.

Дж. Оруэлл, разумеется, ответил на это обвинение, и очень резко, и за вызывающими словами, которые он высказал Вудкоку, ощущалась действительная обида, вызванная явными несправедливостью и непониманием. Он написал открытое письмо, в котором обрушился на пацифистов (а Вудкок был пацифистом), обвинив их в «профашизме» и даже просто фашизме, заявив об их «восторге перед успехами нацистов» [Фельштинский, Чернявский 2014].

Вступая в различные перепалки по поводу его сотрудничества с компанией, Дж. Оруэлл начинал испытывать всё большее разочарование в связи с этой работой. По мнению ученых, на общее психологическое состояние повлияли старые проблемы со здоровьем – большие лёгкие [Фельштинский, Чернявский 2014].

Известно, что туберкулёз оказывает негативное воздействие на психоэмоциональную сферу, а потому Оруэлл чувствовал признаки усталости и депрессии. Два этих обстоятельства приводили журналиста к тяжёлым мыслям о том, что его работа бесполезна, в результате чего он начал воспринимать её как каторгу. Обостряли это тяжелейшее состояние политическое одиночество, когда он чувствовал, что его политические взгляды никто не разделял, и болезнь жены.

Были и другие неожиданные проблемы в этот непростой период жизни Оруэлла. Ряд ученых считает, что к ним относились придирки цензуры,

мелкие правки редактора, которые столь крупный публицист и писатель очень болезненно воспринимал. Ведь до этого времени почти двадцать пять лет Оруэлл пребывал практически в полной творческой и личной свободе, ощущая себя полноценным творческим человеком. А теперь он был вынужден ходить на службу, где личность нивелируется, а есть лишь огромный механизм, в котором сотрудники выполняют функцию винтиков. Приспособиться к таким тягостным условиям у Оруэлла не получалось, всё вызывало раздражение, вплоть до мелочей. Получалось, что он обречён заниматься тем, что претит ему во всех отношениях. Особенно досаждала ему цензура в лице Министерства информации Великобритании. Об этом свидетельствуют воспоминания сослуживцев Оруэлла и его собственные воспоминания [Фельштинский, Чернявский 2014].

Ведомство, сформированное в самом начале войны, своё существование мотивировало противостоянием нацистской пропаганды. Но на самом деле его появление означало конец свободе слова, потому деятельность Министерства было принято журналистским сообществом крайне негативно. Впрочем, раздражая Оруэлла своими претензиями, Министерство оказало Оруэллу и некую услугу: позже он сатирически вывел его образ в романе «1984» под названием «Министерства правды», заведомо распространявшего ложь.

Оруэлл пытался противостоять бюрократическим указаниям Министерства, стремился внести разнообразие в свои передачи, сделать их познавательными, интересными и живыми. Он даже выступил в роли новаторским предложением – создать радиожурнал Voice, в котором бы слушателям преподносились «разнообразные, но объединённые общей тематической направленностью рубрики, аналогичные рубрикам “толстого” печатного журнала» [Фельштинский, Чернявский 2014]. Руководство, уступив с явной неохотой, позволило затрагивать только вопросы культуры, не касаясь политических проблем.

Первый выпуск радиожурнала, вышедший в 1942 году, был посвящён современной поэзии. В передачу были включены выступления поэтов и обсуждение их стихотворений. В дискуссиях участвовал и сам Оруэлл. Со временем он надеялся всё же включить в дебаты политические темы. Чтобы осуществить это, он пригласил в один из выпусков итальянского писателя и политического деятеля Иньяцио Силоне, который явился автором нашумевшего романа «Хлеб и вино» (*Pane e Vino*, 1937) носящего антитоталитарный характер. [Виноградов, 1994].

Британская цензура ничего не имела против самого романа и потому не стали разбираться в том, что представляет собой Силоне, который на самом деле в прошлом был одним из лидеров итальянской компартии, но в 1927 году был исключён из неё, поскольку выступил против Сталина и его культа личности. Они не знали, что в 1939 году Силоне выпустил книгу «Школа диктаторов», в которой подверг яркой критике сталинский режим [Силоне; 1938].

Разумеется, Оруэлл ничего не упоминал о «Школе диктаторов». Это делалось не только из-за цензуры, а ещё и потому, что индийских слушателей вряд ли можно было им заинтересовать. Он пригласил Силоне потому, что хотел дать понять нападавшим на него, что они заблуждаются, и его истинные взгляды иные.

Эта передача вызвала гнев цензуры, но уже постфактум. Итогом явилось усиление наблюдения за Оруэллом [Фельштинский, Чернявский, 2014]. Больше всего Оруэллу мешали цензоры, которые сидели у микрофонов. Если им не нравилось то, что говорил собеседник Оруэлла, то просто выключали микрофон прямо во время передачи, что делало беседу бессмысленной. Об этом подробно рассказано в исследовании Э. Макдауэлла [McCdowell 1984]. Подобные факты свидетельствуют о том, что писателю на собственном опыте довелось неоднократно сталкиваться с проявлениями подавления свободы слова, двойными стандартами, ущемлением личной

свободы. Именно по этой причине он с такой убедительностью и силой разоблачает тоталитарное давление на художника в своих эссе.

И всё же Оруэллу была дана гораздо большая свобода, нежели остальным сотрудникам, хотя она не отвечала запросам писателя. Одним из его основных устремлений было внести свой вклад в общее дело борьбы против нацизма, но ему постоянно мешали различные бюрократические преграды, преодолеть которые было практически невозможно. Ему постоянно приходилось держать себя в руках, контролировать, отчего в глазах сотрудников его нравственный облик искажался [Чаликова 1986].

Интересно, что Оруэлл выступал на BBC под своим собственным именем – Артура Блэра. Несколько раз компания предлагала своему знаменитому сотруднику выступать под ставшим уже широко известным псевдонимом, но Оруэлл-Блэр отказывался, считая, что торговать литературным именем в данной ситуации неэтично. Хотя несколько раз в эфир вышли передачи, автором которых значился Джордж Оруэлл, но это происходило в тех редких случаях, когда писатель не жертвовал своими убеждениями.

Но в целом ситуация для Оруэлла была критической. Депрессивное состояние прогрессировало. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Блэра: «Всё, что я делаю, – это тщетные усилия, которые всё меньше и меньше сопоставимы с напрасно затраченным временем. Похоже, что то же самое происходит со всеми». Оруэлл отмечает, что основным его ощущением в эти дни является «разочарование», граничащее с осознанием бессмысленности своих действий. Но самый главный вывод, который делает писатель, касается не действий или чувств, а обобщённого понятия войны, которая «глупа сама по себе». Писатель фокусирует внимание на том, что большинство предпринимаемых действий «никоим образом не помогают военным усилиям, но считаются необходимыми огромной бюрократической машине, в плену которой все мы находимся» [Оруэлл; 2008].

Оруэлл с презрением называл свою службу нечто средним между «школой для девиц и сумасшедшим домом» [Оруэлл 2008]. Он полагал, что время его потрачено напрасно. Тем не менее, среди его публицистики этого периода немало истинных шедевров.

Обращает на себя внимание очерк «Границы искусства и пропаганды» в 1941 году. В нём автор поднимает проблему критики, что, на первый взгляд, кажется не очень своевременным, учитывая политическую обстановку в мире.

Работа Оруэлла на радио BBC впоследствии повлияла на творческую деятельность журналиста. По словам В.А. Чаликовой, и далее в его деятельности «отразилась обострённая реакция на конъюнктурные особенности журналистской работы» [Чаликова 1986]. Коллеги Оруэлла утверждают, что публицист негативно оценивал пропаганду даже тогда, когда она направлена на высокие цели. И в этих случаях, полагал он, они «имеет дурно пахнущую сторону» [Чаликова 1986].

Оруэлл констатировал: «Ныне все пишущие и говорящие барахтаются в грязи, а такие вещи, как интеллектуальная честность и уважение к оппоненту, больше не существуют» [Чаликова 1986].

Эти выводы он сделал работая на BBC. Дж.Оруэлл понял, что его хитроумная идея «соединить антифашистскую пропаганду с антиимпериалистической» неисполнима на практике.

24 сентября 1943 года Оруэлл написал заявление об уходе. В ноябре он был свободен от BBC. По словам Г. Фельштинского и Г. Чернявского, журналист назвал три причины ухода. Первая из них – это отсутствие времени для творчества. И это при том, что его возможности для публикации расширились: он мог печататься как в США, так и в Великобритании. Но, видимо, мысли его были направлены в другую сторону, ведь в 1943 году он уже начал работать над «Скотным двором», и этот процесс увлекал его всё больше и больше. Вторая причина – малое количество радиоприёмников в Индии. Его передачи охватывали весьма небольшую аудиторию, и это

обстоятельство утверждало его в мысли о напрасности собственных усилий. С горечью он убеждался, что его умственные и душевные затраты не достигают цели. Писателя действительно потряс тот факт, что в трёхсотмиллионной Индии с трудом набирается сто пятьдесят тысяч приёмников. Третья причина в контексте всего вышесказанного вполне предсказуемого. Это военная цензура. Вопреки своим убеждениям ему приходилось произносить хвалебные слова сталинскому режиму. Он старался упоминать о СССР и Сталине как можно реже, но полностью избавиться от этой темы было невозможно, а критиковать было запрещено [Фельштинский; Чернявский 2014]. Всё это не давало возможности Оруэллу заговорить в полный голос.

В.Г. Мосина была абсолютно права говоря о том, что Оруэлл-писатель и Оруэлл-гражданин нераздельны. Его личностная эволюция, требовала реализации. Дж. Оруэлл должен был говорить правду, но характер деятельности BBC не позволял осуществиться его многочисленным замыслам. Оставалась только литература, публицистика. Следовательно, Оруэлл вынужден был уйти. Несмотря на неблагоприятные причины, подтолкнувшие его к увольнению, заявление об уходе, написанное Оруэллом, по характеру было довольно сдержанным. В нём содержались даже благодарности руководству – видимо за то, что они закрывали глаза на некоторые его вольности. Но даже в заявлении он не скрыл того, что считал свою деятельность здесь бессмысленной: «Стоит ли продолжать эти передачи – судить другим. Я лично предпочитаю не тратить на них своё время, когда могу заниматься журналистикой, эффект которой очевиден» [Фельштинский, Чернявский 2014]. Это был второй случай, когда Оруэлл-Блэр отказался от государственной службы ради творчества и свободы, которые были для него важнее финансового благополучия.

Итак, работа на BBC не устраивала Оруэлла, не давала ему чувства удовлетворения. Об этом свидетельствуют и воспоминания сотрудников Оруэлла. Называя работу в компании «лихорадочной», он иногда ощущал

чувство нравственного тупика. Это не вызывает удивления, поскольку иногда приходилось работать круглосуточно, на весьма скудном пайке. И хотя Оруэллу была чужда роскошь, такие условия не могли не сказаться на его ощущениях. По словам В.А. Чаликовой, журналист жаловался, «что приходится наступать себе на горло», поскольку всё здесь построено на компромиссе, а такое понятие, «как интеллектуальная честность и уважение к оппоненту, больше не существует, что за всем стоят „властолюбивые амбиции“» [Чаликова 1986].

Своеобразным рубежом, подтолкнувшим Дж. Оруэлла обозначить результаты своей деятельности как пацифиста и антифашиста стал 1944 год. Итогом явилось его публичное признание: «В „оппозиции“ войне, равно как и в поддержке её, мы по сути были неправы» [Williams 1971].

Сотрудничество на BBC подтолкнуло Оруэлла и к другим открытиям. По мнению В. Фатулы работа здесь и стала для писателя отправной точкой для выработки концепции newspeak'a, правила которого Оруэлл „подсмотрел“ как раз на BBC [Фатула, 2003]. Информация, адресованная местным радиослушателям, читалась не на обычном английском, как могло бы казаться, а на его упрощенной версии – так называемом „базовом английском“ или „бейсике“. Это был секретный лингвистический проект, разрабатываемый в Тавистоке во время Второй мировой войны для осуществления контроля и цензуры Британского министерства информации за передаваемыми новостями. Замысел заключался в том, чтобы создать упрощенную версию английского языка на основе 850 базовых слов (650 существительных и 200 глаголов) [Фатула, 2013].

Созданная лингвистом Ч. Огденом концепция строилась и была одобрена британским правительством. Известно, что сам У. Черчилль 6 сентября 1943 года в речи в Гарвардском университете уговаривал отменить старый английский язык и заменить его „бейсиком“. Премьер-министр пытался убедить слушателей, что изменение мира возможно без известного

до сих пор насилия, уничтожения и смерти, посредством контроля над языком и людьми [Фатула, 2003]

В.А. Чаликова со ссылкой на публикации английских исследователей обращает внимание на любопытные переключки мотивов художественного вымысла и реальности [Чаликова 1986] .

Итак, мы видим, что компания BBC вызвала скорее отрицательные впечатления у Оруэлла, нежели положительные. Конечно, работа на радио дала возможность журналисту вести антифашистскую пропаганду, озвучивать свою позицию, создавать новые произведения в публицистическом стиле. Одно из них – очерк «Литература и тоталитаризм». В нём Оруэлл напрямую говорит об опасности, нависшей над личностью в плане её свободы. Все процессы в жизни взаимосвязаны, и если в жизни происходит коренной переворот, то он касается и человека, и искусства. Оруэллом подчёркивается глобальный масштаб этого явления: «...едва стоит нам это произнести, как осознаешь, какая над литературой нависла угроза. Ведь мы живем в эпоху тоталитарных государств, которые не предоставляют, а возможно, и не способны предоставить личности никакой свободы. Упомянув о тоталитаризме, сразу вспоминают Германию, Россию, Италию, но, думаю, надо быть готовым к тому, что это явление сделается всемирным» [Оруэлл «Литература и тоталитаризм» 1941].

Пугающее пророчество Оруэлла отнюдь не рассчитано на эффектный приём слушателей. Писатель аргументированно доказывает разрушающее влияние тоталитаризма, которое оказывается сильнее влияния религиозного. Он показывает как тоталитаризм, словно спрут, проникает и удушает изнутри и государство и человека, не оставляя надежды на выживание ни мысли, ни литературе, ни искусство.

Допуская возможность войны между Россией и Германией (и здесь он не ошибся), Оруэлл предполагает, что все чувства немца, какими бы они ни были, превратятся в свою противоположность. А это будет означать, что литературе пришёл конец, ведь она основывается, прежде всего, на

искренних чувствах. Картина, представляемая Оруэллом, выглядит весьма пессимистично, но не безнадежно. Самым главным в речи писателя оказывается призыв к сопротивлению, к началу действия: «Я верю — пусть это слепая вера, не больше, — что такие государства, тоже с неизбежностью придя к обобществленной экономике, сумеют создать социализм в нетоталитарной форме, позволяющей личности и с исчезновением экономической свободы сохранить свободу мысли. Как ни поворачивай, это единственная надежда, оставшаяся тем, кому дороги судьбы литературы. Каждый, кто понимает её значение, каждый, кто ясно видит главенствующую роль, которая принадлежит ей в истории человечества, должен сознавать и жизненную необходимость противодействия тоталитаризму, навязывают ли его нам извне или изнутри» [Оруэлл «Литература и тоталитаризм» 1941].

Эти слова указывают на гуманистическую сущность Оруэлла, обеспокоенного судьбой всего мира. Его мечты о создании справедливого общества равенства и братства, на краткий миг возникшее на поле битвы в Каталонии, оказалось утопическим. Он и сам признал это. И всё-таки его деятельность на BBC нельзя признать бесполезной, ведь слово антифашиста порой бывает не менее действенным, чем пуля (вспомним выступления на радио Ольги Берггольц, помогавшие ленинградцам переносить блокаду». Кроме того, впечатления, полученные там, дали новый импульс для творчества, что потом отразилось в романе «1984» – романе, перевернувшем мир, подобно книге его американского коллеги Джона Рида.

Выводы к первой главе

Эволюцию взглядов Оруэлла можно выразить следующим образом: во время службе на Бирме у него формируются «левые», анархистские взгляды. Он осознаёт лживую основу империализма, внутренне протестуя против политики Великобритании, особенно той, что ведётся в странах-колониях. Начавшаяся война в Испании, пребывание на фронтах в Каталонии

способствует формированию социалистических взглядов Оруэлла. Наблюдая за тоталитарными системами, Оруэлл находит своё творческое кредо, которое выразил в эссе «Почему я пишу»: «прямо или косвенно, против тоталитаризма и за демократический социализм».

В Испании наблюдается перелом в социалистических убеждениях Оруэлла, поскольку он видит расправу над своими соратниками со стороны коммунистов. В 1940-е гг. писатель начинает утверждать, что СССР не является социалистическим государством, поскольку тоталитарная система подавляет в своих гражданах любую свободу личности.

Возвращение к левым взглядам происходит у Оруэлла в конце жизни, когда он пишет свой последний роман «1984», объясняя его создание полным разочарованием в большом государстве.

Показав, как формировалась система взглядов и ценностей Дж. Оруэлла, мы пришли к выводам, что к его гуманистическим идеям мы можем отнести: идею свободы человека как личности, идею независимости творца-художника от государственной политики, Дж. Оруэлл призывает вести активную борьбу за эти свободы.

Мы проследили, как его гуманистические взгляды нашли отображение в журналистской деятельности. К моменту работы на BBC, он опирался на свою уже сформированную систему гуманистических ценностей. Поэтому ставил для себя задачу культурно-гуманистического развития общества.

ГЛАВА II РАЗНООБРАЗИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ ДЖ. ОРУЭЛЛА

2.1. Свобода и независимость как одна из ключевых идей в публицистике Дж. Оруэлла

Одной из ключевых идей, реализуемых в творчестве Дж. Оруэлла, является тема войны за свободу и независимость. Произведение «Памяти Каталонии» можно назвать гимном братству, справедливости и равенству, поскольку именно такую атмосферу ощутил Оруэлл в Испании, находясь там, на поле битвы против фашизма. Это произведение можно отнести к жанру большого европейского репортажа, поскольку его отличают не только фактологичность и высокий уровень публицистичности, но и четкая позиция автора, его переживания и впечатления.

По свидетельству самого писателя, только там, в Испании, он на самом деле «уверовал в социализм» [Оруэлл; 1989]. В. Чаликова утверждает, что «Памяти Каталонии» – это не только первое произведение, в котором Оруэлл показывает себя «писателем мирового класса», но и «главная исповедальная книга», в которой «автор говорит сам с собой, осознает себя... Всё последующее в его творчестве раскручивается уже на этой почве» [Чаликова; 1986]. В этом смысле вспоминаются слова А.М. Зверева, который утверждал, что война в Испании «стала кульминацией жизни Оруэлла» [Зверев; 1989]. И одновременно с этим, репортаж «Памяти Каталонии» может служить обличающим документом против бесчестной политики властей, умело управляющей народом в своих интересах.

В «Памяти Каталонии» Оруэлл создаёт объективную картину военных событий в испанской Каталонии, а именно – картину противостояния приверженцев генерала Франко и ополченцев. Его объективность доказывает наличие в тексте не только восторженных, но и критических комментариев. К тягостям окопной жизни Оруэлл долго не мог приспособиться. В

дневнике, который он вёл в эти месяцы, всё чаще упоминалось отсутствие или крайняя нехватка дров, особенно в первые дни пребывания на фронте, когда всё ещё стояла зима. Единственным пригодным для хорошей топки растением был тростник, заросли которого находились между позициями республиканцев и франкистов, из-за чего его сбор зачастую происходил под огнём.

В то же время Оруэлл указывает на большие перемены, на изменившиеся отношения между каталонцами. Следуя идеалам свободы, равенства и братства, люди отменяют вежливое обращение, в том числе, и на «вы». В ходу остаётся лишь одна форма – на «ты».

Всё происходящее в Каталонии на тот момент выглядит кадрами из советского фильма или хроники: революционные песни и плакаты, варварское разрушение церквей, преобладание рабочей одежды, реквизирование частой собственности, разруха и грязь, пустые прилавки, дефицит продуктов. Оруэлл отмечает противоречивость и изменение своих чувств. С одной стороны, многое ему непонятно здесь, а с другой – чёткое ощущение того, что за это «стоит побороться» [Оруэлл; 1989].

В целом Оруэлл отмечает крайнюю степень неподготовленности Каталонии к войне. В описаниях Оруэлла подкупает объективность. Он мог бы украсить и исказить факты и обстановку. Но, словно следуя правилу настоящего писателя, установленному Хемингуэем – «быть честным и иметь воображение» [Гиленсон; 1986], он правдиво воссоздаёт событиями, свидетелем и участником которых ему пришлось быть. «Так вот они — защитники Республики — толпа оборванных детей, вооружённых изношенными винтовками, с которыми они не умели даже обращаться. Помню, я задавал себе тогда вопрос: а что, если над нашими головами вдруг появится фашистский самолет? Станет ли летчик пикировать на нас и выпустит ли пулеметную очередь? Я уверен, что даже с воздуха было видно, что мы не настоящие солдаты» [Оруэлл]. Оруэлл подчёркивал абсурдность этой войны, в которой соединились благородная цель освобождения от

фашизма и явный непрофессионализм военачальников, которые не могли грамотно организовать боевые действия. Эти слова свидетельствуют о стремлении Дж. Оруэлла к мирной жизни.

Большое внимание уделяет автор особенностям испанско-каталонского характера. Сдержанному англичанину, в отличие от русского человека трудно понять необычайную эмоциональность, щедрость, бьющее через край дружелюбие, прямоту, внутреннее благородство. Оруэлл пишет: «...щедрость в более глубоком смысле, подлинная широта души, с которой я встречался не раз и не два в наиболее трудных обстоятельствах» [Оруэлл; 1989]. Автором особо отмечается, что испанская щедрость касается не только каких-то материальных ценностей; она выходит за эти рамки.

Журналист отмечает проявившуюся на войне непохожесть между испанским и английским национальным характерами. В прессе этого периода неоднократно утверждалось, что каталонцы недовольны помощью иностранцев. Оруэлл опровергает этот факт и замечает, что каталонцы отдавали должное военному мастерство иностранных союзников. Для Оруэлла это обстоятельство является непостижимым: «Англичанин скорее дал бы себе руку отрезать, чем сказал бы что-либо подобное» [Оруэлл; 1989]. Пунктуальности англичан противоречит и вечное испанское «mañanas» (завтра), которое действовало даже в режиме военного времени. Но когда-то приходит конец отсрочкам и «mañanas», и в конце первой главы Оруэлл в числе остальных ополченцев отбывает на фронт.

Оруэлл, отправившийся на фронт с целью борьбы фашизмом, он на деле видит совсем иное. Отсюда и возникшие в нём чувства и разочарования, и в какой-то мере раздражения и отвращения, а так же нравственного дискомфорта: «Впервые в жизни я выстрелил в человека» [Оруэлл; 1989]. Присутствует и недовольство собой: инстинктивно он пригнулся, когда мимо пролетала пуля: «Всю свою жизнь я клялся, что не поклонюсь первой пуле» [Оруэлл]. Расхождение между представлениями о войне и самой войной – такова главная мысль второй книги «Памяти Каталонии».

Некоторая часть книги отдаётся подробностям пребывания автора на Сарагосском фронте. Он весьма саркастически описывает всё происходящее. В образном выражении Оруэлла противники испанских ополченцев – это «далёкие черные букашки, изредка прыгавшие взад и вперёд» [Оруэлл]. Так возникает аллюзия с войной между «тупоконечниками» и «остроконечниками» [Свифт; 2003]. Особенно это очевидно на фоне основной проблемы, которую автор озвучивает следующим образом: «По-настоящему обе армии заботились лишь о том, как бы согреться» [Оруэлл; 1989].

Так и не увидев «настоящей» войны (сначала из-за отсутствия полноценных военных действия, а потом ввиду ранения), Оруэлл всё же становится *sado* (капралом). Он не избегает иронии, описывая свой отряд: «Под моей командой было двенадцать человек. Должность не была синекурой, особенно на первых порах. Центурия представляла собой необученную толпу, состоявшую главным образом из мальчишек 15 – 18 лет» [Оруэлл; 1989].

Нередко Оруэлл замечал скептицизм и сомнения относительно победы антифашистов на этой войне. Эти настроения не коснулись лишь Оруэлла, который полагал, что начало положено, и со временем армия начнёт двигаться в верном направлении. Ситуация была такова, что Франко решительно шёл вперёд, и необходимо было давать ему отпор. Очевидно, что ополченцы не были хорошо вооружены и обучены, но они были сильны своим духом и желанием очистить свою страну от фашизма. Оруэлл защищает эти неумелые войска, в рядах которых он воевал, говоря о том, что именно они «держали фронт, пока в тылу готовилась Народная армия» [Оруэлл; 1989]. В этой тяге к справедливости, к честности, в готовности защищать благородный порыв от циничных насмешек, видится проявление гуманизма Оруэлла, примеры которого ещё не раз встретятся на страницах книги «Памяти Каталонии».

Огромную роль на этой войне играла пропаганда. Оруэлл замечает весьма важные подробности, необходимые для изучения гражданской войны в Испании с позиций сегодняшнего дня. Автор «Памяти Каталонии» пишет: «на этой войне всё делали для того, чтобы не попасть в другого», имея в виду пропаганду, ведущуюся с обеих сторон. Это происходило в тех случаях, когда противники находились друг от друга на достаточно близком расстоянии. Видимо, такое могло быть только в Каталонии: «Мы кричали: «Fascistas — maricones!» Фашисты отвечали: «Viva España! Viva Franco!» Если они знали, что напротив находятся англичане, они орали: «Англичане, го хоум! Нам иностранцы не нужны!» [Оруэлл; 1989]. Нетрудно догадаться, что означают эти слова: «Фашисты – трусы!» – кричали ополченцы, на что фашисты отвечали: «Да здравствует Испания! Да здравствует Франко!»

Иногда эта словесная «перестрелка» давала свои результаты, и несколько человек перебежали из фашистского лагеря на сторону ополченцев, но случалось это не очень часто. Другой формой пропаганды были листовки. Оруэлл описывает как раз тот трагический момент, когда фашисты сбросили из самолёта на позицию ополченцев белые листочки с сообщением о падении Малаги. Что означало это событие для Оруэлла? Оно означало, что в его радужном упоении испанским единством появилась серьёзная прореха. В связи с Малагой звучали слова о предательстве, о позоре, о жестокости итальянцев и беспощадном расстреле мирных жителей. Оруэлл пишет: «Впервые у меня появились глухие сомнения в отношении этой войны, в которой до сих пор так восхитительно просто было решить на чьей стороне правда» [Оруэлл; 1989]. Теперь эта «восхитительная простота» начинала улетучиваться. Но, несмотря на это, автор «Памяти Каталонии» продолжает своё дело, принимая участие в боях за Хуэске, поскольку не может поступить иначе.

И всё же настаёт момент, когда Оруэлл приступает к разъяснению своего взгляда на происходящее. Главной своей задачей в этом испанском походе он называет борьбу с фашизмом, а целью – «всеобщую

порядочность» [Оруэлл; 1989]. Это очень красноречивая характеристика как самой личности Джорджа Оруэлл, так и его творчества. Впрочем, Оруэллу – личности и писателю – свойственная постоянная эволюция. Упомянув, что в начале своего прибытия в Испанию он не интересовался политикой и не разбирался в ней, то теперь, оттолкнувшись от своих первоначальных взглядов, он подробно анализирует и местную ситуацию, мировую ситуацию, связанную с распространением фашизма.

Далее раскрывается другая сторона публицистики Оруэлла (не описательная и не аналитическая), а разоблачительная. Под словесный «огонь» Оруэлла попадают лживость прессы, двуличность властей, антигуманную философию фашизма. Так выявляется очень неприглядная картина. В первую очередь, становится понятным, что война в Испании – это политическая война, спровоцированная внутрипартийной борьбой. Даже социалисты делились здесь на «правых» и «левых». Оруэлл, поначалу далёкий от политики и политических интриг, вскоре начинает понимать ужасающую истину: «Служа в ополчении, вы были солдатом антифашистской армии, но одновременно пешкой в гигантской схватке, которую вели между собой два политических направления» [Оруэлл; 1989]. Далее писатель вскрывает подлинную суть антифашистского движения в Испании, заключающуюся в том, что их восстание носило характер революции. Об этом свидетельствовал, в частности, всеобщий разгром церквей, поскольку для народа религия являлась частью капиталистической системы. Таким образом, ситуация была весьма сложной (борьба партий и систем – капиталистической, социалистической), подстёгиваемая укрепляющейся коммунистической партией и набирающим силы фашизмом. Кроме того, сумятицу вносила ложь, исходящая от печатных органов. Многие журналисты писали лишь то, что было выгодно партиям, интересы которых они представляли.

Как утверждают Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский, «республиканское правительство Испании стремилось остановить

социальную революцию, навязанную анархистами и ПОУМ и вызвавшую военный мятеж Франко, так что у республиканцев было много причин для расправы с ПОУМ и анархистами» [Фельштинский, Чернявский 2014].

Потому партия ПОУМ, воевавшая против фашизма и в рядах которой выступал Оруэлл, была объявлена фашистской. Оруэлл пишет: «Итак, коммунисты называли нас троцкистами, фашистами, убийцами, трусами, шпионами. Признаюсь, в этом было мало приятного, особенно, когда я вспоминал кое-кого из тех, кто сочинял эту пропаганду. Каково было видеть пятнадцатилетнего испанского парнишку, выносимого на носилках из окопа, смотреть на его безжизненное белое лицо и думать о прилизанных ловкачах в Лондоне и Париже, строчащих памфлеты, в которых доказывается, что этот паренек – переодетый фашист?» [Оруэлл; 1989].

У Оруэлла не может вызывать протеста, гнева и возмущения тот факт, что сочинители подобных памфлетов сидят в тылу, в тепле и сытости, и понятия не имеют о том, что претерпевают находящиеся на фронте. На страницах «Памяти Каталонии» не раз встречаются описания невыносимого холода (воевать приходилось высоко в горах, в то время как с тёплым обмундированием дела обстояли очень плохо), антисанитарии, разрухи и нашествия мышей и крыс, которые, оказывается, способны сосуществовать друг с другом.

Трагедия этой войны заключалась не только в лживой основе и действии двойных стандартов. Трагедия здесь прочитывается и по отношению к личности, в том числе, и личности Джорджа Оруэлла. Шедший на войну с самыми благородными намерениями, терпящий лишения и получивший ранение в горло, он вдруг оказывается в рядах врагов – «троцкистов», что априори означает: «фашист», «убийца», «предатель» и «трус» [Оруэлл]. Таково было истинное положение дел.

Благодаря репортажу «Памяти Каталонии» мы получаем возможность не только лучше узнать сущность натуры Джорджа Оруэлла, но и выявить принципиальную разницу между массовой журналистикой и его творческими

принципами в этом деле. Для большинства репортёров война являлась бизнесом, причём бесчестным. Для Оруэлла его публицистика оказывается возможностью сказать правду, выразить свою гражданскую позицию.

Большой европейский репортаж «Памяти Каталонии» интересен своей многоаспектностью. В тексте органично сочетаются повествование, описание, аналитика, рассуждение, обличительный пафос. Не случайно В. Чаликова оценивает писательское мастерство Оруэлла в этой книге как наивысшего уровня. Так, вкрапляя в ткань текста картины каталонских пейзажей, Оруэлл демонстрирует свой лирический дар, тонкую художественную наблюдательность: «Март на нашем плоскогорье напоминал март в Англии с его ярким синим небом и порывистыми ветрами. Озимый ячмень поднялся на фут от земли, на вишнях завязывались розовые бутоны (линия фронта шла через заброшенные вишнёвые сады и огороды), в канавах начали попадаться фиалки и дикий гиацинт, скорее напоминавший неприглядный колокольчик. У самых наших окопов бурлил чудесный, зелёный ручеёк, – впервые с момента прибытия на фронт я увидел прозрачную воду» [Оруэлл; 1989].

«Как странно, – продолжает Оруэлл, – было ползти по этим пустынным плодородным полям, где всё вдруг замерло в самый разгар урожайной страды» [Оруэлл; 1989]. Этим самым он в очередной раз выразил свой протест против войны, указывая на её жестокость, противоестественность и антигуманную сущность.

Воссоздавая некоторые моменты своего пребывания на фронте, Оруэлл вновь не может удержаться от иронии. В данном случае, речь идёт вшах – одной из самых неприятных сторон военного быта, доставляющей и Оруэллу множество проблем и досадных ощущений. В рейтинге Оруэлла вши – наиболее отвратительные насекомые. Он описывает их повадки, способ и скорость размножения, а также их навязчивое желание жить именно на теле у человека. Крайне иронично звучит его следующая фраза: «Думаю, что

пацифистам неплохо бы украшать свои памфлеты увеличенной фотографией
вши. Вот она — военная слава!» [Оруэлл; 1989].

Собственно, дожидаться военной славы на этой войне крайне трудно, поскольку, по свидетельству её участника, очевидца и описателя, настоящих боёв так и не возникает. Бойцы рвутся в атаку, предпочитая опасность бездействию, но вынуждены проводить время в окопах в условиях, далёких от полного обеспечения, положенного военному. Когда же настоящий бой всё же наступает, многое в нём кажется ненастоящим, неопасным. Обеим сторонам не хватает выучки, ополченцам — боеприпасов. Здесь показателен важный момент. Оруэлл попадает в одного из фашистов. Его реакция на это неординарна: «Не знаю убил ли я его, но безусловно тяжело ранил. Бедняга! Услышав стон фашиста, я почувствовал к нему что-то вроде сочувствия» [Оруэлл; 1989].

Следующее затишье позволяет автору сделать важные открытия. На своё пребывание на фронте он смотрит как бы с двух ракурсов: один взгляд — это ощущение Оруэлла тогдашнего, принимавшего участие в испанской войне против фашиста, а другой — переосмысление им произошедших событий уже после, по прошествии значительного времени.

«Первый» Оруэлл полагает, что его пребывание на фронте — бесполезное времяпрепровождение. «Второй» Оруэлл осознаёт, что на войне он «научился вещам, которых иначе никогда бы не познал» [Оруэлл; 1989]. Речь идёт об особом состоянии, возникшем благодаря полной изоляции от внешнего мира. Эта отрезанность от внешнего мира и собрание в одном месте людей, объединённых одними убеждениями и взглядами, позволили сформироваться в этом месте атмосфере всеобщего равенства, чего нельзя было представить в какой-либо другой точке земного шара. Станным образом из жизни этих людей, на время собравшихся в Каталонии с целью победить фашизм, исчезли «многие из общепринятых побуждений — снобизм, жажда наживы, страх перед начальством», а также классовые предрассудки [Оруэлл; 1989]. В Англии, где «воздух насквозь пропитан

деньгами», такое невозможно даже в теории. «Все были равны», – пишет Оруэлл [Оруэлл; 1989]. Продолжая свои рассуждения, писатель замечает, что равенство – это главная привлекающая людей черта социализма. В принципе, равенство и бесклассовое общество неосуществимы, но люди готовы верить в эту утопию и сражаться за неё, рискуя своими жизнями. Волшебство каталонского периода состоит в том, что там на короткий период воцарилось торжество равенства и братства, неподдельных и искренних, и по этой причине идея социализма не оттолкнула писателя, а привлекла его ещё более. Это тогда, во время томительного ожидания боя, ему казалось, что он бессмысленно растрчивает свои силы, духовные и физические, напрасно терпя холод, голод, недосыпание, антисанитарию, дискомфорт от вшей. «Как бы мы в то время ни проклинали всех и вся, позднее мы поняли, что соприкоснулись с чем-то необычным и в высшей степени ценным, – продолжает Оруэлл. – Мы жили в обществе, в котором надежда, а не апатия или цинизм, были нормальным состоянием духа, где слово “товарищ” действительно означало товарищество и не применялось, как в большинстве стран, для отвода глаз. Мы дышали воздухом равенства» [Оруэлл; 1989].

Итак, репортаж «Памяти Каталонии» является в какой-то мере беспрецедентным произведением. Воспевая дух равенства, неожиданно возникший в этой области Испании, Оруэлл в то же время раскрывает неприглядную правду, касающуюся как фашизма, так и коммунизма. Ситуация складывается таким образом, что антифашисты подвергаются двойному уничтожению: погибают на фронте и в застенках тюрем, где их пытаются коммунисты, подозревая в троцкизме. Этот период истории Испании уже назван «испанским сталинизмом» [Чаликова; 1985]. «Эту двойную трагедию и отобразил Оруэлл в своей книге, – пишет В.А. Чаликова, – утверждая при этом, что в Испании идут сразу две войны. Одна война между республикой и фашистским путчем, а другая — между человеком и теми, кто по разным совершенно причинам стремятся подавить его. Чтобы прийти к власти, чтобы осуществить идею свою» [Чаликова; 1985].

Правда Оруэлла никому не понравилась, книгу отказывались печатать. Но сегодня мы имеем возможность перечитать её и заново открыть для себя те трагические события, которые от нас долго скрывали.

Итак, книга «Памяти Каталонии» – это выдающееся произведение публицистического жанра, в котором соединились живые и яркие наблюдения очевидца. В нём созданы блестящие образы различных людей и целых групп. Весьма ценными оказываются воспоминания об этих исторических событиях. Вызывает интерес та острая полемика против тех взглядов, которые Оруэлл считал не просто ошибочными, но и глубоко порочными, даже опасными. Он очень тонко анализирует сложную расстановку внутренних сил в республиканском лагере, причём на фоне общей внешнеполитической ситуации – действий правительств европейских стран и СССР, пытавшихся использовать, исходя из собственных геополитических интересов, испанское кровопролитие [Фельштинский, Чернявский 2014].

В своём эссе «Почему я пишу» Оруэлл признаётся, что испанские события нарушили в нём существовавшее до тех пор равновесие, и, начиная с этого периода (с 1936 года), он любой своей вещью выступает против тоталитаризма и за т.н. «демократический социализм» – так, как он его понимает [Оруэлл; 1947].

Перелом в сознании Оруэлла начинается, когда он становится свидетелем репрессий испанский социалистов. Собственно, он сам чудом избегает их. Тогда писатель понимает, что, в принципе, идеи социализма хороши только в теории. В эссе 1948 года «Британская борьба за независимость» он пишет: «Социализм – движение, выросшее в индустриальных западных странах, ставит задачу улучшения материальных условий жизни белого пролетариата, а также освобождения от эксплуатации цветного населения. Но эти две цели, по крайней мере пока, несовместимы. Лидеры социалистического движения никогда этого не говорят» [Оруэлл; 1989]. Зато говорит Оруэлл. Подобные смелые высказывания часто приводят

его к изоляции, что, впрочем не останавливает писателя на его пути независимого мыслителя.

Интересуясь политической обстановкой в мире, Оруэлл получает возможность прочесть т.н. «лагерную литературу». Информация даже о сталинских лагерях попадает ему в руки. Факты, почерпнутые им из этой литературы, заставляют писателя сделать вывод о том, что в XX веке начинается новая эра рабства: «Рабство, которое в 1932 году казалось таким же невероятным, как людоедство, стало реальностью 1942 года» [Чаликова; 1989]. Этот регрессивный процесс Оруэлл связывает именно с социализмом, причём с такой его разновидностью как «олигархический социализм» [Оруэлл «Восстание в городской пустыне»; 1943].

По мнению Оруэлла, в неосуществимости социалистической идеи виновны сами социалисты, постоянно извращающие её. Будучи одно время горячим адептом социализма, он не смог найти ни одной партии, которая удовлетворяла бы его запросы. Анализ публицистики писателя выявляет массу противоречий в этом вопросе. Об этом красноречиво свидетельствует одна из самых известных цитат Оруэлла: «Отрицать социализм из-за недостойного поведения социалистов так же абсурдно, как не ездить по железной дороге из-за неприятных кондукторов» [Оруэлл; 1989]. По всей вероятности у писателя-гуманиста Джорджа Оруэлла была своя утопическая версия социализма, аналогов которой он не смог найти в реальном мире. Конечно, становлению подобных взглядов способствовала испанская война, которая ошеломила Оруэлла своим противоречием: с одной стороны, явила ему образ «чистого» социализма, с другой – показала ему будущее этого строя, где всё и все находятся под жесточайшим контролем правящей власти, а инакомыслие подлежит беспощадной расправе.

К этой проблеме автор подходит и в эссе «Литература и тоталитаризм». Оруэлл пишет: «Социализм обычно представляли себе как некую либеральную систему, одухотворенную высокой моралью. Государство возьмёт на себя заботы о вашем экономическом благоденствии, освободив от

страха перед нищетой, безработицей и т. д., но ему не будет никакой необходимости вмешиваться в вашу частную интеллектуальную жизнь. Искусство будет процветать точно так же, как в эпоху либерального капитализма, и даже еще нагляднее, поскольку художник более не будет испытывать экономического принуждения» [Оруэлл «Литература и тоталитаризм»; 1941].

Далее Оруэлл беспощадно, хоть и не без сожаления разбивает эту теорию, признавая её утопической. Тоталитарная власть такова, что в ней невозможно осуществление всех этих принципов. Государство, не только не обеспечивает материальных благ, но ещё и самым беспардонным образом вмешивается в жизнь человека, заставляя его терять своё человеческое достоинство, духовно деградировать. Есть немало других свидетельств, подтверждающих правоту Оруэлла.

В 1984 году компания Apple выпустила рекламный ролик, представляющий новую продукцию Стива Джоббса компьютер «Макинтош». Режиссёром ролика был Ридли Скотт, который за основу взял роман Оруэлла. Стоит отметить, что европейская общественность была напугана предсказаниями Оруэлла и не без опасения ждала назначенной даты.

Этими установками и спешит воспользоваться Ридли Скотт. На его ролике, снятом в 1984 году, с огромного экрана вещает некто, подобный Большому Брату. Безликая масса, одетая в серые робы, сидит в зале и внимает ему. Любая индивидуальность в этих людях убита. С этой же целью они гладко выбриты, чтобы даже с помощью причёски между ними не возникло никаких отличий. Кажется, ничто не может разрушить этой жёсткой власти, этого слепого преклонения целого общества перед одним человеком, которого, как и в романе Оруэлла, никто не видел живьём. Весьма показательны речи, которые произносит лидер тоталитарного общества: об очистке информационной системе, о полной идеологической чистоте и т.д. Безнадёжна и пессимистична атмосфера, царящая в этом мире.

Такая иллюстрация более чем показательна для любой сферы, касающейся свободы или творчества. Разве может родиться что-либо похожее на искусство в обществе, члены которого похожи один на другого и зомбированы неизвестным человеком, чьё изображение они видели лишь на рекламе. Об этом и хочет заявить во всеуслышание Оруэлл.

Свобода мысли задушена тоталитаризмом. И здесь идёт не только о запрете внешнем, но и так называемом «конструктивном» запрете, подразумевающим особый диктат: «Не просто возбраняется выражать — даже допускать — определённые мысли, но диктуется, что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть её в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений. Тоталитарное государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных по меньшей мере столь же действенно, как контролирует их поступки» [Оруэлл «Литература и тоталитаризм»; 1941].

Таковы последствия социализма, которые Оруэлл явно не ожидал в самом начале своей идейной эволюции. Он указывает на то эмоциональное давление тоталитарной системы социализма, которое оно оказывает на своих граждан. По мнению автора, такое давление невозможно перенести, не сломавшись. А исчезновение мыслящей личности означает исчезновение литературы. Что такое мир без книг — нам показал ещё один великий антиутопист Рэй Брэдбери «451° по Фаренгейту», в котором писатель воссоздаёт тип общества, появление которого вполне возможно. Люди, отказавшиеся от книг, то есть от мудрости, накапливаемой веками, оказываются в бездне духовной катастрофы. Варварские действия — сжигание книг, запрет на чтение, приравнение даже хранение книг к преступлению — только на первый взгляд кажутся нереальными. Чем больше развиваются технологии, тем выше вероятность подобного развития

событий. Брэдбери сумел заглянуть в самую сердцевину этого процесса и сделал попытку предупредить человечество об этом [Брэдбери: 2005].

Пытается предупредить общественность и Оруэлл. Его разочарование в социализме, метание между воззрениями означает, что не было в мире такой государственной системы, устраивающей его. Оруэлл придумывает термин «ангсоц», что в эссеистике обозначает «тоталитарная версия социализма». Познав два вида социализма (каталонский и сталинский), Оруэлл находит определение для его истинного проявления: «настоящий социалист – тот, кто желает – не просто задумывается, но и активно хочет этого – видеть свергнутую тиранию» [Оруэлл «Дороги к пирсу Уигана; 1937].

2.2. Роль творческой личности в концепции Дж. Оруэлла

В своём эссе «Уэллс, Гитлер и Всемирное государство» Оруэлл с горечью констатирует, что у власти обычно стоят безумцы, а не разумные люди [Оруэлл «Уэллс, Гитлер и Всемирное государство»; 1941]. Сопоставляя пророчества Уэллса и деятельность Гитлера, Оруэлл пишет: «Гитлер — сумасшедший и преступник, однако же у Гитлера армия в миллионы солдат, у него тысячи самолетов и десятки тысяч танков. Ради его целей великий народ охотно пошёл на то, чтобы пять лет работать с превышением сил, а вслед за тем ещё два года воевать, тогда как ради разумных и в общем-то гедонистических взглядов, излагаемых Уэллсом, вряд ли кто-то согласится пролить хоть каплю крови» [Оруэлл «Уэллс, Гитлер и Всемирное государство»; 1941].

Оруэлл приводит неутешительные доводы. Много, за что боролся Уэллс в своём гуманистическом порыве, теперь на службе у фашистской Германии. Наука служит фашизму, а не людям: «...Там порядок, планирование, наука, поощряемая государством, сталь, бетон, аэропланы — и все это поставлено на службу идеям, подобающим каменному веку»

[Оруэлл «Уэллс, Гитлер и Всемирное государство»; 1941]. Не идёт лишь речь о человеке, поставленном на рабскую службу гитлеровского режима.

Говоря о проблеме личности и государства, Оруэлл поднимает вопрос, о котором мало кто задумывался до него. Он обращается к глубинам истории, к рабовладельческому строю, где раб вообще не считался за личность. Ужасающая антигуманная ситуация заставляет его обратиться к читающей публике со следующей сентенцией: «Когда я думаю об античности, меня ужасает мысль, что сотни миллионов рабов, на чьих плечах существовала цивилизация, исчезали поколение за поколением безмолвно. Мы даже не знаем их имён. Из всей греческой и римской истории сколько имен известно нам? Я думаю, от силы два-три. Спартак и Эпиктет» [Оруэлл; 1989].

Несправедливое деление мира, существующее испокон веку, Оруэлл наблюдает и в Бирме, где он служит в полиции и которое он сам называл «колониальным грехом» [Оруэлл; 1989]. «Кули» и «сагибы» – два основных класса в бирманском обществе, оказываются на диаметрально противоположных сторонах социальной системы, где одним принадлежит всё, а другим ничего.

Проблема рабства метафорически рассматривается Оруэллом и в современной Англии. Всем известен факт его гражданского подвига, когда писатель опустился на самое дно городской жизни и работал судомоем. Это обстоятельство заставляет его кинуть в лицо миру жёсткие строки: «Судомой – один из рабов современного мира. Если бы его покупали и продавали, он не стал бы от этого более рабом, чем он есть; его труд лишен смысла и достоинства, ему платят ровно столько, сколько нужно для физического выживания, его единственный отпуск — увольнение... Если бы судомой могли думать, они бы давно образовали профсоюз и устроили забастовку» [Оруэлл «Собачья жизнь в Париже и Лондоне»; 1954].

Проблема состояла в том, что судомой не в состоянии ни думать, ни читать, ни просто наслаждаться жизнью как бесценным даром. Всё его

существование – тупой и изнуряющий труд, предоставленный ему властями как единственный способ выжить. Оруэлл признаётся, что за время своего пребывания в качестве судомоя, он сам не прочёл ни строчки [Оруэлл «Собачья жизнь в Париже и Лондоне»; 1992]. Это обозначает только лишь одно: рабочие люди не бездуховны и не бездарны. У них просто нет условия для просвещения. Они – рабы. Гуманист Оруэлл познал это на собственном опыте.

Вопрос рабства в современном мире – один из самых острых для Оруэлла с его мировоззрением, основанном на идеалах братства, равенства и свободы; искренности и товарищества. Если бы он не познал это в Каталонии, может и не думал бы об этом так напряжённо.

Подавление личности в тоталитарном обществе превосходит все представления об этом. П. Дрю пишет: «В 1939 году “концепция тоталитаризма” стала для Оруэлла намного понятнее, что связано и с его антивоенными размышлениями, и с несколько спекулятивной, личной симпатией к анархистам. Он почувствовал, что современные централизованные государства гораздо ближе другу в своем репрессивном стремлении к самовоспроизводству, чем можно было бы ожидать, исходя из различия заявленных идеологий» [Дрю; 1996].

Таким образом, можно сказать, что мировая несправедливость, веками царящая на земле, заключалась для Оруэлла, в первую очередь, в подавлении личности властью.

Оруэлл, как большой художник, предъявляет строгие требования к творческой личности. Это отразилось в ряде эссе писателя, таких, как «Литература и тоталитаризм», «Лир, Толстой и шут», «Почему я пишу», «Подавление литературы», «Писатели и Левиафан» и др. Так, в очерке «Литература и тоталитаризм» Оруэлл настаивает на исключительной честности художника, который должен ориентироваться на высказывание великого Шекспира «Своей природе верен будь» [Оруэлл;]. Иными словами,

писать нужно только то, что на самом деле думаешь и чувствуешь. Фальшь же является самым главным врагом искусства и литературы.

В эссе «Писатели и Левиафан» Оруэлл много говорит о том, как политика влияет на жизнь творческого человека, который в таких условиях не может «полностью отдаться» творческому литературному процессу, подобно Джойсу или Джеймсу [Оруэлл; 1989]. Но это вовсе не означает, что писатель должен опустить руки и бездействовать. У Оруэлла на этот счёт есть своя позиция: «Вступая в сферу политики, писатели должны сознавать себя там просто гражданами, просто людьми, но не писателями» [Оруэлл; 1989]. Позиция публициста объясняется твёрдым убеждением, что литературу создают личности. А сильно ополитизированный человек постепенно теряет свою личность – политика подавляет его. Таким образом, осуществляя свою политическую деятельность, художник должен чётко отделять её от творческого процесса.

Оруэлл не зря уделяет этому такое большое внимание. Как творческая личность, он остро почувствовал вставшую перед ним дилемму: подчинение идеологии или способность творить. Писателю, подчёркивает Оруэлл, приходится особенно непросто, ведь от обычного человека не требуют вне рабочего времени подчинять свою жизнь партийным правилам. С писателем всё по-другому: «от него добиваются унижения собственной профессии ради политической линии» [Оруэлл; 1989].

Оруэлл видит роль творческой личности и, прежде всего, писателя, в сопротивлении тоталитаризму, в честной и твёрдой позиции, в умении быть искренним, говорить правду. В современном мире это зачастую бывает практически невозможно. В эссе, посвящённом Р. Кипплингу, Оруэлл умело вскрывает ту двойственность, в которой оказывается интеллектуал и творческая личность: «...Мы все живем, грабя азиатских кули, и те из нас, кто «просвещён», говорят, что кули должны быть освобождены. Но наш уровень и само наше просвещение требуют грабежа малых стран.

Гуманитарий всегда лицемер, и Киплинг знал это» [Оруэлл «Редьярд Киплинг» 1946]

Если исходить из концепции Оруэлла, писатель должен быть подобен первопроходцу: «Велик тот писатель, который расширяет границы своей аудитории, ломая социальные перегородки» [Оруэлл 1946]. Но при этом он обязательно должен быть гуманистом, но только в верном понимании этого слово. Для Оруэлла гуманист – это не холодный циник, принимающий мир таким, какой он есть. Это личность другого склада – умеющая любить другого человека, сохраняющая искренность, доброту и открытость мира, даже если этот мир повернулся к человеку не очень приятной стороной. «Гуманизм, – утверждает Оруэлл, – состоит не в спасении своей жизни от поругания и разрушения, а в готовности погубить и разрушить свою единственную жизнь, доверившись любви к другому человеку. На самом деле страх перед жизнью и попытка уйти от неё в религию или политику есть страх любви к эмпирическому человеку и попытка заменить её любовью к нечеловеку – богу или земному идолу» [Оруэлл «Размышления о Ганди»; 1989]. Творческая концепция Оруэлла базируется именно на любви человека. Впрочем, это обстоятельство не препятствует ироническому выражению отношения автора к миру. Так, критическому комментарию подвергаются попытки некоторых писателей изобразить в своих произведениях абсолютное счастье. Речь идёт о некоторых эпизодах произведений Вольтера, Рабле, Диккенса. Оруэлл убеждён, что примеры абсолютного счастья, выведенные в этих произведениях, не смогут удовлетворить человека, так как основаны лишь на физиологии. В них он видит духовную пустоту. «Все эти картины “бесконечного блаженства”, – пишет он, – проваливаются, ибо как только блаженство становится бесконечным, контраст перестает работать» [Оруэлл «Почему социалисты не верят в счастье»; 1943]. Далее автор переходит к вопросу отражения счастья в произведениях социалистической направленности. По его мнению, счастье как таковое не является целью писателей-социалистов. Пытаясь избежать обвинений в утопии, Оруэлл

делает упор на понятии братства – подобного тому, которое он испытал на фронте в Испании. «Настоящая цель социализма есть человеческое братство», – настаивает писатель в своём эссе тысяча девятьсот сорок третьего года, в разгар Второй мировой войны [Оруэлл «Почему социалисты не верят в счастье»; 1943]. Все муки, которые испытывает борец за справедливость на поле битвы или в тюрьме, переносятся им не ради сытного существования с устроенным бытом, а ради того, чтобы на Земле установилось царство подлинного братства, где все люди добры и милосердны по отношению друг к другу. Это основная мысль публицистики эссе, в которой он касается вопросов литературы и искусства.

Немалое значение уделял Дж. Оруэлл английской речи, как национальному достоянию. Взгляд писателя на взаимодействие языка и политики отчетливо проявляется в его статье «Политика и английский язык» (Politics and the English Language), опубликованной в 1946 году. Как считает В.А. Чаликова, Оруэлл уже тогда полагал, что деградация языка, создающая серьезные изменения в его структуре, в основном вызвана политическими и экономическими причинами, а не, например, влиянием на него конкретной личности [Чаликова; 1985]. Для достижения запланированной коммуникативной цели политики вынуждены использовать эвфемизмы, риторические вопросы и туманные фразы. Эти камуфляжные признаки политического языка созданы, „чтобы заставить ложь выглядеть правдоподобно” [Фатула; 2003]

Видя в таком языке большую угрозу, Джордж Оруэлл разработал своеобразную памятку, призванную служить советами по восстановлению нормальной, понятной обществу речи. Писатель призывал:

1. Если вы уже встречали какой-либо троп в печати, никогда не используйте его.
2. Длинному слову предпочтите более короткое.
3. Лишнее слово подлежит вычёркиванию.
4. Активный залог предпочтительнее страдательного.

5. Никогда не используйте иностранное или научное слово, а также жаргон, если мысль можно выразить обычным повседневным языком.

6. Помните, что лучше нарушить одно из этих правил, чем сразу все [Оруэлл «Политика и английский язык»; 1987]

Очевидно, что к наставлениям Оруэлла прежде прислушивались и ныне прислушиваются лишь немногие из политиков. Впрочем, это нисколько не умаляет заслуг писателя. Ведь как сказал один из современных исследователей: „его книги и через полвека после его смерти во всех мировых рейтингах по-прежнему идут на третьем месте. Библия, сочинения Маркса, Оруэлл”. Мы считаем, что успех заключается в том, что Оруэлл не захотел и не смог смолчать, когда в тоталитарных государствах правящие верха, понимая, что „власть – это власть над людьми, над телом, но самое главное – над разумом”, собирались подчинить себе человека, его мышление и язык [Фатула; 2003].

С этим Оруэлл примириться не может. Творчество, по его мнению, может развиваться только в свободных условиях, без вторжения в мысли художника, без тотального контроля над ним. Но, как считает Оруэлл, примириться с этим нельзя. Долгом каждого настоящего художника является не только создание правдивых произведений, но и отчаянное сопротивление тоталитарной системе.

Это касается и творца, и критика. Оруэлл призывает их быть осторожнее и учитывать важное открытие, сделанное им: «Тоталитаризм на практике требует непрерывного переписывания прошлого и, в конечном счете, вероятно, потребует отказа от веры в самую возможность существования объективной истины» [Оруэлл «Литература и тоталитаризм»; 1941]. Тоталитаризма создаёт такие условия, что губит и прошлое, и настоящее, но всё же есть надежда, что настоящая литература сумеет преодолеть эти рамки, поскольку в ней заложена истина.

Оруэлл много размышлял о свободе слова, и это представляется нам естественным, учитывая его противостояние тоталитаризму и другим

проявлениям подавлениям человеческой свободы. В своём эссе «Литература и тоталитаризм» автор утверждает, что сфера художественного слова сейчас заражена политикой. Оруэлл рассуждает о том, что и писателю, и критику сейчас особенно трудно, поскольку над литературой нависла настоящая угроза в виде тоталитаризма. Писатель опасается, что подавление личности в скором времени может стать всемирным. «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, – пишет Оруэлл, – как никогда прежде не могли вообразить» [Оруэлл; 1987]. А там, где нет свободы мысли, свободы слова тоже не будет. Эта идея развивается и в эссе «Писатели и Левиафан». Писатель вновь говорит о политическом засилье, как в жизни, так и в искусстве. Перечисляя пугающие атрибуты века: война, фашизм, резиновые дубинки, атомные бомбы, концлагеря, Оруэлл подчёркивает, что просто невозможно не думать обо всём об этом. Но литература страдает от вторжения политики. И если тоталитаризм победит, то литература просто исчезнет. Оруэлл не случайно выносит в название имя библейского многоголового чудовища. Для него Левиафан является олицетворением тоталитаризма. А его надвигающийся призрак писатель ощущает как раз по «литературным» признакам: сжигание книг в нацистской Германии, репрессии и расстрелы представителей творческой интеллигенции в СССР. Оруэлл пишет: «В Италии литература изуродована, в Германии её почти нет» [Оруэлл Литература и тоталитаризм; 1941].

Подробно эту тему Оруэлл развил в эссе «Подавление литературы». Он отмечает, что наступила эпоха, когда «само понятие свободы мысли» атакуется с двух сторон: защитники тоталитаризма (враги-теоретики) и бюрократы с монополистами (враги-практики). Стремящийся к честности писатель или журналист встречает массу препятствий на этом пути в виде общественных тенденций. Вся печать сконцентрирована в руках олигархов. Если где-то писатель и встречает поддержку, то это ровно до того момента, пока он выполняет указания, данные этими доброжелателями. Если же писатель отказывается предавать свои убеждения, то его «клеят как

жалкого эгоиста» [Оруэлл; 1989]. Писатель подмечает очень тонкую вещь: обвиняя художника в индивидуализме и эгоизме, власти просто переключают внимание с проблемы правды и лжи.

Это явление до сих пор наблюдается в журналистике, и в наши дни. Разрешено писать вещи кажущиеся публике смелыми, но только до определённой границы, пока они не затрагивают интереса кого-то из высокопоставленных чиновником либо других важных персон. Это хорошо заметно по освещению сегодняшних известных острых событий западноевропейской прессой. Можно всячески клеймить одну сторону конфликта и запрещено писать положительно о другой. Тот, кто идёт наперекор этому закону, становится персоной нон грата. Так было во времена Оруэлла, так есть и сейчас. Если кто-то осмеливается нарушить установленную «демократию», он подвергается беспощадному клеймению. Оруэлл пишет: «Туман дезинформации и лжи, окутывающий такие темы, как голод на Украине, гражданская война в Испании, советская политика по отношению к Польше и др., порождён не одним только сознательным обманом; всякий писатель и журналист, безоговорочно поддерживающий СССР, то есть поддерживающий именно так, как желательно самим русским, вынужден молчаливо соглашаться с заведомым искажением важных вопросов, по которым идет спор» [Оруэлл; 1989]. В наше время такой «туман дезинформации» и ложь никогда не исчезли, а, напротив, продолжают распространяться всё больше и больше.

В своем эссе «Подавление литературы» (The Prevention of Literature, 1986) Подавление свободы происходит и в тех случаях, когда журналиста заставляют лживо описывать события или умалчивать то, о чём нужно кричать. Писатель ощущает свою несвободу, когда его вынуждают исказить собственные чувства и способы изложения фактов. Бывают случаи, когда художник осознанно прибегает к гиперболе и окарикатуриванию, чтобы ярче показать какое-либо явление, и это один момент. Но никак нельзя заставлять его коверкать «картину собственного сознания», вынуждать его идти на

компромисс. В противоположном случае, «его творческий дар иссыкает» [Оруэлл; 1989].

Избегать острые темы также не является выходом из положения. Даже одно табу может «искалечить сознание» художника, ведь тогда любая свободная мысль имеет шанс превратиться в запретную. «Из этого следует, – продолжает Оруэлл, – что воздух тоталитаризма губителен для любого прозаика, хотя поэт, особенно лирический, возможно, и смог бы им дышать» [Оруэлл; 1946]. Таким образом, тоталитарное общество является прямой угрозой гибели художественной прозы, а, следовательно, и культуры.

Оруэлл стремится предупредить любого художника, попавшего в условия тоталитарного режима, ни в коем случае не поддаваться навязыванию такого мировоззрения, не оправдывать свою ложь обстоятельствами. Если он будет делать, то «язык его заостенееет», а дар иссыкнет. Автор эссе находит очень интересное образное сравнение: «...воображение, подобно некоторым диким животным, не желает размножаться в неволе» [Оруэлл; 1946]. История показывает, что это действительно так. У Оруэлла-писателя, творца и мыслителя возникают серьёзные опасения по поводу деградации языка, вызванной давлением тоталитарной диктатурой.

По всей вероятности, так формировался авторский метод, реализовавшийся в романе «1984», где Оруэллом был создан новояз – усечённый и примитивный язык тоталитарной системы, являющийся прямым отражением состояния общества. В. Фатула пишет: «Оруэлл осмыслил тоталитарный язык не только как социолог, но и как лингвист. Представил систему, отображающую языковой строй на разных его уровнях – от лексики до грамматики и синтаксиса. Естественно возникают вопросы: Откуда у британского писателя знания, которым мог бы позавидовать профессиональный языковед? Что дало возможность автору художественного текста заглянуть в языковое будущее?» [Фатула; 2003]

На наш взгляд, причину следует искать в Испании. Именно там Оруэлл впервые столкнулся с проблемой фальсификации, переворачивания фактов и их замалчивания. Когда он фиксирует факт обвинения сотрудничества с Франко, то сразу же убеждается в фальшивости этого мероприятия, подделке обстоятельств. Как прирождённый писатель и журналист, Оруэлл уверен, что пресса должна отреагировать на данное событие. Но никакой реакции не происходит: ни со стороны левой прессы, ни со стороны правой. Какой вывод делает Оруэлл из всего этого? Разумеется, самый логичный из всех существующих: истина никому не нужна. А ведь без истины, по его глубокому убеждению, невозможен исторический прогресс. В свете сказанного следующие слова Оруэлла обретают вполне очевидную ясность: «Для меня в Испании в 1936 г. остановилась жизнь» [Оруэлл; 1989].

С тех пор произошёл коренной перелом в мировоззрении Оруэлла, и он всему миру дал понять, что свобода слова – это всего лишь миф, какого бы общества мы не коснулись: капиталистического или социалистического.

Выводы по второй главе

Всё вышесказанное позволяет нам сформулировать ряд следующих выводов. Эссеистика Дж. Оруэлла охватывает круг тем, которые сконцентрированы вокруг одного ядра – свобода личности в тоталитарном государстве, в том числе в период войны. Оруэлл имел возможность лично наблюдать за этим процессом.

В результате он приходит к заключению, что тоталитарное общество – это неизменный итог социализма. Сформировавшаяся у власти верхушка начинает руководить всеми процессами в государстве, но главная её цель – порабощение человека полностью – вплоть до его мыслей.

В условиях тоталитарного общества, художнику-творцу остается единственный выбор – между молчанием и смертью. И здесь мы вспоминаем слова Дж. Оруэлла: «Умерщвление свободы мысли парализует журналиста,

социолога, историка, романиста критика и поэта – именно в такой последовательности...если либеральной культуре, в условиях которой мы существуем с эпохи Возрождения, придет конец, то вместе с ней погибнет и художественная литература [Оруэлл; 1989]. Продолжая мысль Дж. Оруэлла необходимо сказать, что помимо художественной литературы, в тоталитарном обществе исчезнут также и любые проявления творческой мысли, а это, несомненно, отразится и на науке и на общественной жизни. Подводя итоги, мы приходим к мнению, что без творческого начала общество не способно к прогрессу, ведь все величайшие умы в мире являлись, своего рода первооткрывателями, людьми свободными, как от внешнего гнета, так и от стереотипов принятых в обществе. Именно поэтому, развитие гуманистических взглядов среди масс столь необходимо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Джордж Оруэлл принадлежит к числу выдающихся публицистов XX века. Будучи истинным борцом за справедливость (он остро ощущает её ещё на службе бирманской полиции), Оруэлл приобретает славу сведущего в политике литератора и публициста.

Мировоззрение Оруэлла проходит определённую революцию. В начале жизни придерживаясь «левых идей», Оруэлл отправляется на фронт в Испанию с целью воевать против фашистского режима Франко. Там, ощутив небывалую атмосферу искреннего товарищества и равенства, он заражается идеями социализма. Там же, в Каталонии, Оруэлл прощается с этой идеей, поскольку становится свидетелем репрессий испанских социалистов, причём не стороны фашистского правления, а со стороны коммунистов. «Зачистки» производят на него громадное впечатление, и он разочаровывается в социализме, как утопической идеей.

Оруэлл создаёт свою теоретическую версию социализма, основанную на его гуманистических идеях, и продолжает на протяжении всей жизни верить в нее. Социализм по Оруэллу – это строй, в котором равенство и братство являются главными и реально действующими ценностями, частная собственность не находится под запретом, а тотальная слежка отсутствует. Идеал Оруэлла – это та неповторимая атмосфера, которую он ощутил на фронте Каталонии и которую больше нигде уже встретил.

Несмотря на это, мысль о справедливом устройстве мира не оставляла его всю жизнь. Он продолжал ненавидеть фашизм и любой строй, при котором подавляется свобода человеческой личности. Во время работы на радио BBC Оруэлл получил возможность выступления с антифашистской пропагандой. Так складывается целый цикл очерков (многие из них были написаны позже), в которых Оруэлл выражает свои воззрения, главная мысль которых заключается в следующем: тоталитарный режим (как порождение социализма) – это губительная система для человеческой мысли, личности,

культуры, языка и искусства. По-разному варьируя эти темы в своих эссе, Оруэлл показывает себя истинным гуманным мыслителем, для которого справедливое общество важнее личных интересов.

Отсюда проистекают все поднятые проблемы публицистики Оруэлла: соотношение личности и власти; проблемы творца в государственной системе, возможность существования свободы слова.

Эти же проблемы были реализованы в его репортажах, очерках и эссе. Оруэлл приходит к выводу, что с подавлением мысли и свободы личности происходит неизменная деградация всех процессов: развития литературы, возможности творческой личности проявлять себя; возникает запрет на свободу слова. Все эти проблемы взаимосвязаны, и корень у них один – порабощение не только человека, но и его мыслей.

Оруэлл, как писатель и гуманист, выражает протест против подобного развития человечества, и призывает к наиболее возможному сопротивлению тоталитаризма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. База исследования

1. Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989.
2. Оруэлл Дж. Скотный двор / Перевод Л. Беспаловой. – М., «Известия», 1989. – 203 с.
3. Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии. – Пермь.: КАПИК, 1992.
4. Оруэлл Дж. 1984. – М.: Художественная литература, 1999. – 320 с.
5. Оруэлл Дж. Дневники//Факт или вымысел. Сост. А. Ливергант. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2008. – 1128 с. С. 889 – 954.

II. Список использованной литературы

1. Аничкина А.А. Индивидуальные стилистические особенности эссе Дж. Оруэлла и проблема их сохранения при переводе на русский язык. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – М., 2002. – 189 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Практикум. М. ,2003-2009. 1-7 изд. 465 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.
4. Безансон А. Оруэлл, или Оправдание зла//Безансон А. Извращение добра. – М.: МИК, 2002. – 207 с.
5. Брэдбери 451° по Фаренгейту. – М.: АСТ, 2005. – 343 с.
6. Гениева Е.Ю. Музыка человечности // Пристли Дж. Б. Заметки на полях: художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1988.
7. Гиленсон Б.А. Эрнест Хемингуэй. – М.: Художественная литература, 1985 – 101 с.
8. Гиленсон Б.А. Герберт Уэллс: провидение фантаста// Гиленсон Б.А.: История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века. Практикум. – М.: Академия, 2008. – 480 с.
9. Ершова Т.В. Дж. Б. Пристли – литературный критик и публицист. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – М.: МГУ, 1979.

10. А.Б. Есин. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. - 3-е изд. - М.: Флинта, Наука, 2000.
11. Зверев А.М. О старшем брате и чреве кита//Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989.
12. Зверев А. М. «Скотный Двор» Джорджа Оруэлла//Энциклопедия мировой литературы. – СПб.: Невская книга, 2000. – 656 с.
13. Зверев А.М. 1984// Энциклопедия мировой литературы. – СПб.: Невская книга, 2000. – 656 с.
14. Зинкевич Н.А. Биография Джорджа Оруэлла [Текст]: / Н.А. Зинкевич. – М.: «Цитадель», 2001.
15. Кабанова И.В. Документальное и вымышленное в автобиографии: Джордж Оруэлл и Сирилл Конуэлл//Филологический класс, 2012. – № 12. – 404 с. С. 107 – 112.
16. Кагарлицкий Ю.И. Пристли // История западноевропейского театра. – М.: Искусство, 1985. – Т. 7. – С. 232 – 254.
17. Кригер Илья Борисович. Философия Герберта Уэллса : Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М., 2005 – 134 с
18. Мосина В.Г. Проза Джорджа Оруэлла: Творческая эволюция. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – М., 2000. – 619 с.
19. Мосина В.Г. Антитоталитаристская тема творческой биографии Дж. Оруэлла: испанская тема//Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал, 1997. – № 3. С. 103 – 111.
20. Науменко В. Г. Уиганская командировка Оруэлла, или История увлечения одной теорией//Обсерватория культуры 2008 – №01 – 06. – 586 с. С. 129 – 132.
21. Недошивин В.М. Можно ли погасить звёзды? Проза отчаяния и надежды Джорджа Оруэлла// Оруэлл Дж. Проза отчаяния и надежды: Роман, сказка, эссе. Пер. с англ. – Л.: Лениздат, 1990. – 429 с.

22. Недошивин В.М. Джордж Оруэлл: 2013//Российская газета, 2013. – 6111 (135).
23. Недошивин В.М. Чаликова В. Неизвестный Оруэлл // Иностранная литература. 1992. № 2. С. 215-225.
24. Пристли Дж. Б. Поездка в Россию// Дж. Б. Пристли. Заметки на полях. Художественная публицистика; сост., авт. предисл. и коммент. Е.Ю. Гениева. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234 – 258.
25. Савенкова А.Д. Образ России и русских в публицистике Дж. Б. Пристли. К проблеме англо-русских культурных связей. – М., 2012.
26. Силоне И. Школа диктаторов, 1938.
27. Свифт Дж. Путешествия Гулливера. – М.: Художественная литература, 2003. – 454 с.
28. Судленкова О.А., Кортес Л.П. Сто писателей Великобритании. – Мн.: Высшая школа, 1997. – 247 с.
29. Урнов Д.М. На благо лошадей//Урнов Д.М. Избранные статьи. – М.: Слово, 1999. – 376 с.
30. Фатула В. Новояз: об источниках оруэлловского канона. – М., 2003. – 45с.
31. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Джордж Оруэлл (Эрик Блэр): Жизнь, труд, время. – М.: Книжный клуб, Книговек, 2014. – 592 с.
32. Фесенко Э.Я.. Теория литературы: учебное пособие для вузов / М.: Академический Проект; Фонд «Мир». — 780 с., 2008
33. Хвостенко Е.В. Вопросы социального прогресса в творчестве Бернарда Шоу. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Волгоград, 2002. – 250 с.
34. Чаликова В.А. «Вечный год». Послесловие к публикации романа Джорджа Оруэлла «1984»// Новый Мир. – М., 1989. – № 4. – С. 128 – 130.
35. Чаликова В.А. Неизвестный Оруэлл//Иностранная литература. – М., 1992. – № 2. – С. 215 – 222.

36. Чаликова В.А. Джордж Оруэлл: философия истории//Философские науки. – М.: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, 1989. – 12. – С. 45 – 46.
37. Чаликова В.А. Об одной лингвистической утопии. Социокультурные утопии. – М., 1985.
38. Чаликова В.А. Предсказания» Дж. Оруэлла и современная идеологическая борьба. – М.: РАН, 1986.
39. Чаликова В.А. Комментарии к «1984» и эссе разных лет// Оруэлл Дж. 1984. Эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
40. Шоу Б. Война с точки зрения здравого смысла//Шоу Б. Избранные статьи. – М.: Художественная литература, 2002. – 377 с.
41. McCdowell E/ Publishing from BBC's Orwell File//New York Times, 1984. Sept.7
42. Williams R. Orwell. — Fontana: Collins, 1971. — 95 p